

РИТА ПОЛЫНЬ

МАРИОНЕТКА
КОЛДУНА

18+

Рита Полынь

Марионетка колдуна

«Автор»

2026

Полынь Р.

Марионетка колдуна / Р. Полынь — «Автор», 2026

Вивьен Торнвуд не любит проигрывать. Когда кредиторы отца начинают грозить ей продажей в притон, она решает любой ценой выйти замуж за богатого герцога, который не замечает её. Чтобы завоевать его сердце, она заключает сделку с самым таинственным колдуном в городе Эшвортом, чьё лицо изуродовано шрамами, а имя шепчут с ужасом. Но Вивьен не была бы собой, если бы просто ждала спасения. Чем ближе она узнаёт Эшворта, тем чаще ловит себя на мысли: этот циничный, опасный мужчина притягивает её сильнее, чем герцог. И он, кажется, тоже начинает смотреть на неё иначе — как на огонь, который он не в силах держать под контролем. Инквизиция идёт по следу Эшворта, но Вивьен ещё не знает, что ей предстоит сделать самый главный выбор, который может ей стоить жизни. Роман о любви, которая не спасает, а может сжечь дотла.

© Полынь Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Марионетка колдуна

Пролог

17... г. Блэкхит, Альбион

Элизабет лежала на соломенном тюфяке и смотрела в темноту. Узкая полоска света пробивалась в щель под железной дверью тюремной камеры. Она не знала, который час. Она знала только то, что на рассвете за ней придут.

Было больно шевелиться. Было больно дышать. Запястья, натёртые грубой верёвкой, саднило. Её трясло от холода. Элизабет взяли в конце сентября, сейчас уже, должно быть, наступил октябрь. Сыростью веяло от холодных каменных стен, от пахнущего прелой соломой тюфяка. Элизабет попыталась сжаться в комок, но тело тут же отозвалось на движение новым приступом боли. Она застонала и оставила попытки согреться. Всё равно скоро ей будет тепло, как никогда. Её ждал костёр.

Она не сказала им ничего. Девушке говорили, что её отпустят, если она скажет, где его искать. Отпустят сразу, как только его поймают. Возможно, её и правда бы отпустили. Она же не колдунья. Но этот вариант Элизабет даже не рассматривала. Она не способна была его предать.

— Ты знаешь, как переводится твоё имя? — спросил он как-то, когда они сидели у реки. Был июль. Лучи закатного солнца окрашивали часть реки в кроваво-красный цвет.

— Не знаю, — ответила Элизабет. — Как?

— «Давшая клятву».

Элизабет действительно дала ему клятву. Там, на берегу реки. Она поклялась любить его до конца жизни. Жаль только, что жизнь её оказалась слишком короткой. Одно радовало: она умрёт раньше, чем он. Ради этого стоило выдержать всё.

В груди болезненно сжалось, а по лицу полились слёзы. Она поняла это по тому, как зашипало ссадины на лице. Интересно, есть там что-нибудь после?.. Ад, как говорит папа? Или ничего, как втайне считает брат? Уже утром она об этом узнает. Надо только ещё немного потерпеть.

Элизабет не боялась ни того, ни другого. Она боялась только того, что больше она никогда его не увидит. Девушка закрыла глаза и вспомнила его лицо. Его тёплые карие глаза с солнечными бликами. Его руки, которые обнимали её в их последнюю встречу. Его голос, который говорил: «Ничего не бойся. Я не могу взять тебя с собой, это слишком опасно сейчас. Я всё устрою и вернусь за тобой. Скоро мы будем вместе».

Но он не успел.

Элизабет знала, кем он был. Знала с самого начала. Но это ничего не изменило. Она любила его, этого было достаточно. Достаточно, чтобы бросить дом и семью, чтобы уйти вместе с ним. Чтобы умереть за него.

Глаза Элизабет закрылись. Её всё-таки сморил сон. Несмотря на холод и на ломоту в теле. Слишком сильной была усталость.

Рассвет приближался.

Глава 1

18... г. Блэкхит, Альбион

Сентябрьская ночь была безлунной. Пустынная окраина Блэкхита погрузилась в темноту. Здесь давно уже не селились люди. Силуэты обветшалых домов с заколоченными окнами выглядели жутковато. Кто знает, что может подстергать неосторожного путника за углом?

Дождь начался, едва Вивьен вышла за черту города. Сначала он просто моросил, и мелкая водяная пыль оседала на плаще и на лице, но чем ближе она подходила к Пустоши, тем сильнее становился дождь. Когда Вивьен ступила на размокшую тропу между зарослей прибитого к земле чёрного вереска, идти стало сложнее. Она остановилась и обернулась в сторону города. Его очертания были всё ещё отчётливо видны.

«Боже, что я делаю? — думала Вивьен. — Как я вообще могла на это решиться?»

Решение, принятое в своей комнате при свете свечи, уже тогда казалось безумным и страшным, но не настолько, как теперь, когда она оказалась одна посреди ночной Пустоши, куда и днём-то не всякий отваживался ходить.

— Нет уж, иди, раз решилась, — прошептала она себе под нос и ускорила шаг, чтобы не передумать. — Всё равно ведь погибать, так какая разница — когда?

Вивьен шла почти на ощупь. Плащ промок от дождя, капюшон не спасал, ветер швырял мелкие противные брызги в лицо. Она считала шаги. Сто двадцать, сто двадцать один, сто двадцать два... Это помогало отвлечься, собрать остатки смелости и не думать о том, куда она идёт, а главное — к кому. Было страшно встретиться с ним ночью, особенно в этом проклятом месте. Но ещё страшнее было, что всё это всего лишь сказки Марты, городские легенды, и никого там нет. Потому что это была её последняя надежда. Кредиторы дали месяц. А такие люди не шутят. Они заберут дом. А если это не покроет долги — заберут её. Она не раз слышала такие истории, когда девушек продавали за долги их отцов. За ними приходили ночью, сажали в закрытые повозки и увозили. Некоторых никогда больше не видели. Некоторые возвращались, но на них было страшно смотреть. Пустые глаза, дрожащие руки. Вивьен не хотела, чтобы с ней случилось такое. Поэтому терять было нечего.

Вивьен шла и вспоминала.

Зимний вечер. Ей лет двенадцать. На кухне тепло, а за окном шёл снег. Крупные густые хлопья летели с неба, закручивались вихрем в свете уличного фонаря, прежде чем упасть на землю, укрывая плотным белым полотном дорожки сада, деревья, крыши окрестных домов. Было тихо, лишь иногда ветром доносило далёкий приглушённый лай собак.

Вивьен забралась с ногами на подоконник и завернулась в плед. Тёмно-каштановые волосы растрёпаны, руки перепачканы чернилами ещё во время утренних занятий. Марта, полная улыбчивая женщина пятидесяти лет, чистит морковь покрасневшими обветренными руками. В уголках её зелёных глаз сеточки мелких морщин, потому что Марта постоянно улыбается. Марта — кухарка в доме графа Торнвуда. Дела у графа всё хуже, он пьёт, стал распродавать понемногу имущество. Платит слугам всё меньше, и они начали увольняться. Однако Марта не спешила уходить. Слишком привязалась она к дочери графа, которая потеряла мать в семь лет и всё свободное время проводила с ней на кухне. Марта отложила нож, убрала под чепчик выбившиеся рыжеватые с проседью волосы и посмотрела на Вивьен.

— Ты почему не спишь? — спрашивает она. — Поздно уже.

— Не хочется.

— Страшно?

— Нет. Скучно.

Марта усмехнулась и стала убирать посуду. Закончив с мытьём, она посмотрела на девочку, раздумывая, не погнать ли её спать, но Вивьен смотрит на неё таким умоляющим взглядом, что кухарка смягчается.

— Историю что ли какую-нибудь рассказать?

Вивьен оживилась и закивала. Она обожала истории, которые рассказывала ей Марта. Иногда они были страшными, с плохим концом, иногда — красивыми и добрыми, когда герои их выходили из всех своих злоключений победителями. Но всегда они были безумно интересными. Очарования им придавал ореол запрета, который их окружал. Ни церковь, ни взрослые не приветствовали, когда детям рассказывали такие вещи, потому что в каждой из них обязательно были магия и колдуны. То, против чего веками боролись церковь и инквизиция.

— Ты же не маленькая уже, — предприняла последнюю попытку Марта. Но по ней было видно, что она просто подшучивает над Вивьен. Ей и самой доставляло удовольствие выступать в роли рассказчицы и наблюдать, как девочка ловит каждое её слово.

— Так и Расскажи мне что-нибудь взрослое!

— Ну, слушай. За городом, на Пустоши, есть старая заброшенная часовня. Там обитает один человек.

— Кто? — широко раскрыв серые глаза, спросила девочка.

— Колдун. Эшворт его зовут. Говорят, он может исполнять желания. Дело там важное в суде выиграть, над врагом победу одержать... Только плату берёт не деньгами.

— А чем же?

— А никто не знает! А те, кто ходил к нему, не рассказывают. Боятся. Но слышала, что он забирает самое дорогое для человека. То, что не имеет цены.

— А ты? Ты ходила?

Плед наполовину свалился на пол, но увлечённая рассказом Вивьен этого не заметила.

— Что ты! — отмахнулась Марта. — Нет, конечно! Только самые отчаявшиеся, кому уже нечего терять, идут к нему. Потому что плата может быть страшной. Нельзя заходить в ту часовню. Говорят, что не все из неё выходят. А если выходят — то уже никогда не будут прежними.

— Как это? — испуганным шёпотом спросила Вивьен.

— Что, испугалась всё-таки? — хитро улыбнулась Марта.

— Ничего я не испугалась! — обиженно ответила девочка. — Интересно же! Рассказывай дальше!

— Говорят, что много веков назад под часовней замуровали колдунью. Никто не знает, зачем. Станные были времена. Правда это или нет, бог его знает, но говорят, что именно поэтому священники там не задерживались. Убегали, сходили с ума. А потом часовню и вовсе забросили, люди перестали туда ходить. Только он один не боится этого места. И те, кто приходят к нему, потому что им уже нечего бояться.

— Так что всё-таки значит, что те, кто выходят оттуда, никогда не будут прежними? — настойчиво спросила Вивьен.

— Не знаю, — сказала Марта и пожала плечами. — Но люди после этого меняются до неузнаваемости.

— А колдуны все злые? — спросила Вивьен.

— Не все. Есть те, которые лечат людей. Есть те, которые обладают силой, но хотят жить обычной жизнью, не причиняя никому вреда. Только им это не удаётся. Рано или поздно инквизиция приходит за всеми. Поэтому им безопаснее скрываться.

— А если они просто не будут никому говорить о своём даре?

— Дар трудно скрыть. Иногда невозможно. Он прорывается в самый неожиданный для человека момент. Кто-то да узнает и тут же донесёт инквизиции. Родственник, друг, сосед. Кто угодно.

— Но если человек не причиняет никакого вреда, то зачем?.. — удивлённо спросила Вивьен.

— Колдуны — не такие, как мы. Видят мир иначе, обладают способностями, недоступными обычному человеку. Люди их боятся. А кто-то это делает ради награды, которую выплачивает инквизиция тому, кто помогает поймать колдуна. Любого. Для них не так важно, сделал колдун что-то плохое или нет. Он имеет возможность сделать — и для них этого достаточно. А если они ловят злого колдуна, наводившего на людей порчу, болезни, отравлявшего колодцы, губившего скот — тогда это для них особенно ценно. «Вы видите, — говорят они народу, — от какой страшной напасти мы вас спасаем? Вы должны быть нам благодарны. Вы должны оказывать нам всяческую помощь. Вы должны платить налог, чтобы мы продолжали избавлять город от скверны». На самом же деле среди колдунов есть разные. Добрые и злые. Как и среди обычных людей.

Вивьен посмотрела в окно. Снег не прекращался. К утру его выпадет столько, что по садовым дорожкам невозможно будет пройти. Пустошь тоже, должно быть, заметает. Она представила, как прямо сейчас в заброшенной часовне на краю Пустоши сидит мрачный и страшный колдун, рассказы о котором передаются в Блэкхите шёпотом. Сидит и ждёт очередного смельчака, рискнувшего явиться ночью в проклятое место, чтобы заключить сделку и получить то, чего он отчаянно желает.

— А Эшворт? Он злой? — спросила Вивьен.

— Не знаю, девочка моя, — ответила ей Марта. — Не знаю. Знаю только, что его боится даже инквизиция. Разве добрых-то боятся?

— Неужели инквизиция может бояться колдуна? — удивилась девочка. — У них же есть защитные амулеты. На них не действует колдовство.

— Что-то Эшворт такое изобрёл, что его опасаются трогать. Как бы большой беды не случилось.

— И откуда ты только всё это знаешь?

— Кухарки всё знают, — загадочно усмехнулась Марта. — Всё, на сегодня хватит историй. Иди спать.

Эта история была для неё такой же сказкой, как десятки других, рассказанных Мартой длинными вечерами. Но когда она в очередной раз лежала без сна, мучительно соображая, что ей теперь делать, она вдруг вспомнила её и подумала: «А что, если это правда? Что, если это выход?» И на следующий вечер накинула старый плащ и пошла на Пустошь.

Она шла уже давно, но часовня до сих пор не показалась. У девушки было ощущение, что она ходит кругами, постоянно возвращаясь на то же место, настолько пейзаж вокруг в темноте был одинаковым. И когда в очередной раз у неё появилась мысль развернуться и пойти домой, перед глазами внезапно выросла часовня.

Вивьен резко остановилась. Ещё ни разу она не видела её вблизи. Даже видневшийся издали над верхушками деревьев шпиль всегда вызывал в груди смесь волнения и суеверного ужаса. Перед ней возвышалась серая каменная громада с выбитыми окнами. Когда-то это здание, должно быть, было очень красивым. Теперь оно представляло собой удручающее зрелище. Крыша местами обвалилась, стены были покрыты мхом. Чем ближе Вивьен подходила, тем сильнее было желание уйти. Но тут она заметила, что окно светится. Там кто-то был. Она дождалась, пока дыхание выровняется, и толкнула дверь. Скрип ржавых петель громко раздался под высокими сводами часовни. Вивьен вздрогнула, но шагнула вперёд. Внутри стоял запах сырости и копоти, но сквозь них пробивался горьковатый аромат жжёной сушёной травы. Стены, на которых едва видны остатки старинных фресок, были обшарпаны и местами затянуты густой паутиной. Свет свечи, замеченный ей ещё с улицы, пробивался со стороны полуразрушенного алтаря. Вивьен повернулась к нему и застыла. Возле алтаря стояла высокая худощавая фигура в плаще.

Сердце замерло и ухнуло куда-то вниз. Колдун. Он здесь.

Не поднимая головы, чтобы удостоить взглядом незваную гостью, Эшворт точил нож. Если бы не это обыденное действие, Вивьен бы подумала, что это и не человек вовсе, а тень, призрак.

— Вы опоздали, — сказал он низким голосом с хрипотцой. — Я уже собирался уходить. Девушка, которая вознамерилась продать душу, должна быть пунктуальнее.

— Я не продаю душу, — тихо сказала Вивьен.

— В самом деле?

Он отложил нож и вышел на свет. Вивьен наконец получила возможность его разглядеть. Когда она шла сюда, она пыталась быть готовой ко всему. Колдуна она представляла в виде древнего старца с седой бородой, в длинном бесформенном балахоне, со страшными нечеловеческими глазами. Мужчине, который стоял перед ней, было больше тридцати, но меньше сорока лет. Смуглое лицо с как минимум трёхдневной щетиной. На правой щеке от скулы до подбородка кожа была стянута от ожога. Тёмные волосы небрежно спадали на высокий лоб. Глаза — чёрные, без блеска, под глазами — глубокие тени, как у человека, который мало спит.

Вивьен молча смотрела на него, непроизвольно сделав шаг назад.

— В чём дело? Вы ожидали увидеть кого-то другого? — спросил колдун.

— Да... То есть нет, — поспешно поправила она сама себя. — Просто... я представляла вас иначе.

— И как же вы меня представляли, позвольте полюбопытствовать? — с ироничной ухмылкой спросил он. — С рогами и копытами? Сегодня я оставил их дома, чтобы сильно не напугать юную леди. Так зачем вы ко мне пожаловали?

— Мне... Мне нужна услуга.

— За другим ко мне и не приходят, — резонно заметил колдун. — Какая?

— Мне нужно выйти замуж.

— Замуж? И всё? Сейчас с этим такая проблема, что приходится прибегать к помощи колдуна?

— За герцога Роули, — добавила Вивьен.

Колдун присвистнул.

— Неожиданно. Зачем тебе это?

— Я же сказала, — Вивьен нервно теребила застёжку плаща. — Нужно.

— Нужно, — повторил Эшворт с издёвкой. — Хорошая причина.

Он медленно подошёл к ней. Вивьен не двигалась. Ей казалось, что она даже дышать перестала. Эшворт остановился в паре шагов от неё.

— От меня ты чего хочешь?

Вивьен замялась.

— Говорят, вы всё можете, — наконец проговорила она.

Колдун усмехнулся.

— Увы. Я не всемогущ. И я не сводник. Я решаю другие проблемы. Грязные. Кровавые.

— Я заплачу... чем скажете, — голос Вивьен сорвался на шёпот. — У меня нет другого выхода.

Взгляд Эшворта вдруг зажёгся от любопытства.

— Вот как? Обычно у юных девушек есть две причины для желания выйти замуж. Первая — любовь. Вторая — расчёт. Которая из них твоя?

— А это имеет значение? — спросила девушка.

— Имеет, — вздохнул он.

— Мой отец должен крупную сумму денег, — сказала Вивьен, опустив глаза. — И если он её не вернёт, то...

— Можешь не продолжать, — оборвал её колдун. — Мне всё ясно.

Ситуация была настолько банальной, что объяснений и не требовалось. Всем известно, какая судьба ждала девушек, если они имели несчастье оказаться дочерьми разорившегося человека.

— Мне нужно, чтобы герцог обратил на меня внимание, — произнесла Вивьен, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Чтобы не мог забыть. Чтобы женился на мне.

Эшворт помолчал, глядя на девушку оценивающим взглядом.

— Это будет сложно, — наконец произнёс он. — С твоей внешностью.

Вивьен вспыхнула. Она знала, что первой красавицей Блэкхита она не была. Восхищёнными взглядами на улице её не провожали. В свете ценились совсем другие девушки: высокие, светловолосые, с небесно-голубыми глазами и тонкими, изящными чертами лица. Роста Вивьен была среднего, тёмно-каштановые волосы могли привлечь внимание разве что в солнечный день, когда отливали под яркими лучами рыжиной, а глаза если и можно было сравнить с небом, то разве что в пасмурный ноябрьский день. Но слова колдуна её всё же задели.

— А что не так с моей внешностью? — с вызовом спросила она, вскинув голову.

— Да нет, я не то имел в виду, — примирительно сказал Эшворт. — Ты красивая. Просто не во вкусе герцога.

Колдун обошёл вокруг неё, пристально разглядывая, как будто лошадь собирался покупать.

— Худая, — заключил он. — Герцог, насколько мне известно, любит более фигуристых дам.

— Я поправлюсь, — пообещала Вивьен.

— Он предпочитает блондинок, — продолжал Эшворт. — Но это не так уж важно. Важно другое.

— Что?

— Он любит мягких, нежных... Таких, о которых пишут стихи. Он ведь поэт, ты знаешь? Ему нужна нежная ромашка. А ты — не ромашка, ты — терновый куст. Даже взгляд у тебя колючий.

— Я научусь быть мягкой.

— Ты что, думаешь, это так просто?

— Если бы было просто, я бы к вам не пришла и не просила бы о сделке.

Эшворт молчал, глядя на неё ничего не выражающим взглядом. Тишина продолжалась так долго, что стала гнетущей.

— Ты зря пришла, — наконец сказал он. — Уходи.

Вивьен почувствовала, как глаза наполняются слезами. Нет, только не сейчас, нельзя выглядеть жалкой!

— Всё. Что угодно, — раздельно произнесла она, так не дав слезам пролиться. — Возможности герцогини, должно быть, будут более широкими, чем какого-нибудь лавочника, не так ли?

Эшворт снова промолчал. Но что-то в его взгляде изменилось. Появились удивление и заинтересованность.

— Так вы поможете мне? — настойчиво спросила Вивьен.

Колдун пошёл к ней вплотную. Она инстинктивно дернулась, чтобы отступить, но сдержала себя и осталась на месте. Он протянул к ней руку. Вивьен заметила, что кисти его как будто были когда-то обожжены. Взял её за подбородок. Вивьен думала, что пальцы его будут холодными, но они оказались неожиданно горячими. Он поднял её голову вверх, посмотрел в глаза. Вивьен казалось, что она смотрит в тёмную бездну. Ещё никогда ей не было так страшно, сердце бешено колотилось.

— Слушай меня, девочка, — сказал он вкрадчивым голосом, — если я возьмусь за твоё дело, тебе придётся слушаться меня во всём. Делать всё, как я скажу, именно так, как я скажу.

Не жаловаться, не отступать. Ты должна будешь стать моей марионеткой. А когда желание твоё будет исполнено — я заберу то, что посчитаю нужным.

— Что вы заберёте? — тихо спросила Вивьен. Говорить с застрявшим от страха комом в горле было тяжело.

— Это ты узнаешь потом, — сказал колдун.

— А если я не соглашусь вслепую?

— Тогда иди, — он пожал плечами. — Я не держу.

— Хорошо, — сказала она дрогнувшим голосом. — Я согласна.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Вивьен. Вивьен Торнвуд.

— Торнвуд? — Эшворт слегка нахмурился, как будто что-то вспоминая.

— Да. А что?

— Нет, ничего. Что-то знакомое. Где-то я уже слышал эту фамилию. Не важно. Приходи завтра, Вивьен. Не сюда. Домой ко мне. Улица Краснодеревщиков, последний дом. В полдень. И не опаздывай.

Вивьен буднично кивнула, до сих пор не веря, что он согласился. Потом она повернулась и поспешно пошла прочь, не прощаясь. В дверях она покачнулась, не вписалась в дверной проём и ударилась плечом. Выругалась. Наконец дверь заскрипела и захлопнулась за ней с тихим стуком. Эшворт остался стоять посреди часовни. Обычно к нему приходили со всякой ерундой. Судебные споры, месть, долги... Тут тоже были долги, но решение вопроса, мягко говоря, нестандартное... Мисс Торнвуд могла бы попросить его о решении вопроса с долгом, но она прекрасно понимала, что отец тут же наделает новых. Единственным способом обезопасить себя было вырваться из этого болота, став женой высокопоставленного человека. Что ж, надо отдать ей должное: план был действительно неплох. Загвоздка лишь в том, что мало кому нужны невесты, у которых вместо приданого — долги. Но тем интереснее вызов. Он взял нож. Провёл пальцем по лезвию, проверяя остроту. Выступила кровь, но он не почувствовал.

— Во что я ввязался? — громко спросил он пустоту.

— Ввязался... — ответила ему пустота.

Он опустился на ступени алтаря. Огонёк свечи высветил его лицо — задумчивое, усталое. Придёт ли она завтра? Или испугается и передумает?

— Придёт, — тихо ответил он сам себе. — Ей некуда больше деваться.

Глава 2

Дом графа Торнвуда стоял в самом конце улицы Цветущей. Сейчас это название казалось неуместным. Когда-то здесь в самом деле были разбиты шикарные ухоженные клумбы, теперь же забор обрамляли только кусты тёрна. Вид они имели запущенный, потому что садовники были давно уволены и обрезать их было некому. Сам дом тоже выглядел довольно обветшалым, однако всё ещё сохранял остатки былого достоинства: причудливые кованые решётки на окнах, лепнина на фасаде. Дом требовал ремонта, особенно потрескавшиеся оконные рамы и местами прохудившаяся крыша, сквозь которую во время ливней текла вода. Но денег на это не было. Да и сам дом скоро заберут за долги, стоит ли тратить последние деньги на ремонт?

Вивьен поднялась по обшарпанным ступеням, открыла тяжёлую дубовую дверь с потускневшей медной ручкой. Гостиная была неубрана. Внутри стоял запах сырости и спирта. На старых высоких креслах свален какой-то тряпичный хлам, на столе — несколько пустых бутылок. Она слегка поморщилась и открыла окно. В гостиную ворвался свежий осенний ночной воздух. Некоторое время она бездумно смотрела в темноту за окном, пока не услышала голос отца.

— Вивьен, где ты была в такое время?

Она обернулась. Граф Себастьян Торнвуд в засаленном халате, нечёсанный и небритый представлял собой печальное и неприятное зрелище. Вивьен помнила его совсем другим: представительным, ухоженным мужчиной, весельчаком и душой компании. И мать, Анна, была красивой, яркой женщиной, блистающей в свете. Её Вивьен помнила уже смутно. Ей было шесть лет, когда Анна умерла от тяжёлой болезни. При матери в доме кипела жизнь. В вазах стояли охапки душистых цветов, пахло яблочным пирогом с корицей или вишнёвым с миндалём. Приходили гости, играла музыка, звучал смех. Как будто в другой жизни всё это было. Граф Торнвуд уже тогда увлекался карточной игрой, что служило неизменным предметом ссор с Анной. Но в последние годы его увлечение прогрессировало и привело к катастрофическим последствиям. Дом уже был заложен, помимо этого появились ещё долги, которые постоянно росли.

Отец был трезвым сегодня. Он выглядел обеспокоенным, но Вивьен всё равно вдруг испытала глухое раздражение. Это он своими безрассудными поступками довёл ситуацию до такого состояния, а теперь стоит тут и изображает из себя заботливого главу семейства, пекущимся о единственной дочери.

— Тебя этот вопрос больше всего сейчас интересует? Где я была? — спросила она.

— Ты промокла. Простынешь же, — сказал граф Торнвуд. Совсем как в детстве. Но сейчас голос звучал не укоряюще, как раньше, а виновато. Вивьен не удостоила его ответом. Она закрыла окно и задёрнула тяжёлую портьеру из тёмно-зелёного бархата. Подошла к продавленному креслу и без сил на него упала. Отец опустил глаза.

— Я боялся... — начал он и закашлялся. — Я боялся, что тебя забрали, — добавил он тише.

— Не забрали, — сказала Вивьен. — Пока. Бояться надо было до того, как проигрывать в карты бешеные суммы.

— Сегодня снова пришло письмо, — сказал граф.

— Я вижу.

На столе, покрытом слоем пыли, лежал надорванный конверт из плотной бумаги.

— А куда ты всё-таки ходила в такое время? — осторожно спросил отец.

— Не волнуйся. Не себя продавать. Я придумала, как решить проблему. Но на это требуется время.

— И как же? — оживился отец.

— Выйти замуж за герцога Роули.

Лицо графа отразило крайнюю степень удивления. Он понимал, что без приданого его дочери не светит удачная партия. Да и не очень удачная, откровенно говоря — тоже. Торнвуд — фамилия в прошлом знатная. Но знатной фамилии было недостаточно для того, чтобы привлечь женихов. Материальное благополучие было важнее громких имён.

— Ты не говорила, что он оказывает тебе знаки внимания, — произнёс он после паузы.

— А он и не оказывает.

— А как же тогда?.. — озадаченно спросил отец.

— Я работаю над этим, — уклончиво ответила Вивьен. — Иди спать, папа. Уже поздно.

— А ты?

— А я посижу ещё.

Граф Торнвуд кивнул и удалился. Вивьен осталась одна. Смотрела на письмо, прекрасно зная о том, что там написано. Но всё же протянула руку, взяла конверт и извлекла сложенный вчетверо лист.

«Срок вышел. Вы должны тридцать тысяч. К этой сумме добавляются проценты — ещё двадцать тысяч. Если через месяц сумма не будет погашена — заберём дочь».

Она перечитала письмо дважды. Месяц! Она не успеет. Нужно что-то придумать сейчас.

Она поёжилась. То ли от бессильного ужаса, то ли просто потому, что в гостиной было холодно. Уже наступила осень, но камин сегодня не зажигали. Дрова сэкономили.

«Заберём дочь». Она вспомнила историю, произошедшую на их улице два года назад. Ей тогда было восемнадцать лет, а Джули, девушке из дома напротив — шестнадцать. Они не были близкими подругами, но иногда разговаривали по дороге домой. Хрупкая, изящная девушка, с медового цвета густыми волосами и хрустальным голосом. Её отец задолжал тем же людям. Вивьен видела, как её уводили двое в тёмных плащах, лица были скрыты капюшонами. Джули шла, опустив голову. Лицо было красное и опухшее от слёз. Мать Джули протяжно выла за дверью. Отец даже не вышел.

Через месяц Вивьен услышала на улице, как шептались торговки. Они говорили о том, что кто-то видел Джули в портовой таверне. О том, чем ей там приходится заниматься, чтобы приносить прибыль забравшим её людям. Жалели её, говорили, что лучше бы ей было умереть, чем так страшно расплачиваться за грехи отца.

Вивьен судорожно смяла письмо в руке и швырнула его на стол. С ней такого не случится. Она всё для этого сделает. Какой бы ни была цена. Нужно будет — и душу продаст Эшворту или кому бы то ни было ещё. А сейчас надо взять себя в руки и не поддаваться панике.

Она отправилась на кухню. На кухне чуть было теплее, Вивьен сегодня готовила ужин. Платить кухарке для Торнвудов уже стало непозволительной роскошью. Вивьен разожгла огонь, вскипятила воду. Заварила чай из тимьяна и мяты по рецепту Марты.

Марта. Вивьен улыбнулась, вспоминая эту женщину, которая скрашивала своими рассказами серые будни. И сейчас она вспомнила её очередную историю о колдуне Эшворте, который помог одному торговцу разобраться с конкурентами. Конкуренты разорились, дела торговца пошли в гору, но через год его обокрал собственный сын и сбежал с деньгами. Должно быть, торговец расплатился с колдуном своей удачей, иначе почему всё так обернулось? Магазин его потом забрали за долги.

— А ты его видела? — почему-то шёпотом проговорила Вивьен.

— Торговца-то? — рассеянно переспросила Марта, заливая душистые травы кипятком. — Конечно видела. Он галантерейным магазином владел. Я частенько всякие штучки у него покупала.

— Да нет же! — с досадой воскликнула Вивьен. — Колдуна!

— Ах, Эшворта! Нет, не видела, Бог миловал. Но люди говорят, что лицо у него страшное, глаза пустые, а на руках ожоги. Лучше его не видеть и не иметь с ним дел. Неизвестно, чем расплачиваться за помощь придётся.

Когда Марта сказала, что лицо у него страшное, Вивьен решила, что уродливое, как у злых колдунов из сказок. Лицо Эшворта оказалось не уродливым, несмотря на шрамы. И глаза были не пустые, а холодные и уставшие, но смотреть в них всё равно было жутко.

Вивьен держала чашку с чаем обеими руками и пальцы постепенно согревались. Она не послушала Марту, пошла в часовню, заключила сделку. И назад дороги нет. Погружённая в мысли, сжимая в одной руке чашку, а в другой — подсвечник с горящей свечой, она поднялась на второй этаж, в свою спальню.

Её комната была небольшой, когда-то — уютной, но сейчас в ней царил беспорядок. У Вивьен не было ни сил, ни желания поддерживать чистоту. На комод — слой пыли, на столике с зеркалом в потемневшей от времени раме — сваленные в кучу гребни, шпильки, баночки с пудрой. В углу стоял платяной шкаф со скрипучими дверцами. Одна из них слетела с верхней петли. Внутри — несколько платьев. Были мысли перешить для себя пару маминых, которые она спрятала, чтобы отец не продал, но руки пока не доходили.

Вивьен поставила медный подсвечник со свечой и недопитый чай на столик и села на кровать. Взяла в руки книгу, оставленную днём на подушке. «Леди Лилия». В двенадцать лет она тайком утащила эту книгу из родительской библиотеки и читала по ночам с замиранием сердца. Потом ещё несколько раз перечитывала. Это была история девушки из благородного, но обедневшего рода, которую заметил на балу принц. Они сразу полюбили друг друга. Много препятствий пришлось им преодолеть на пути к счастью, но в конце концов они поженились и Лилия стала леди Лилией. Ещё вчера Вивьен хотела снова перечитать эту книгу, вызывавшую в детстве такой восторг, а сегодня посмотрела на неё со снисходительной усмешкой и отложила в сторону. Слишком наивно. Так бывает только в романах. Филипп не обратил на неё внимания, приходится действовать иначе.

Вивьен встала, подошла к комоду и открыла верхний ящик. Из-под сложенного стопками белья достала шкатулку матери из красного дерева. В шкатулке сиротливо лежала одна единственная брошь, последнее, что осталось от маминых драгоценностей. Остальные уже были проданы. Золотая брошь с крупным сапфиром была семейной реликвией, передаваемой по женской линии из поколения в поколение. Анна подарила её дочери за несколько дней до смерти, наказав хранить её, что бы ни случилось. Анна не могла себе представить, что настанет время, когда дочери придётся выбирать — семейная реликвия или собственная жизнь. Вивьен изо всех сил сжала брошь в кулаке. Последняя память о маме. И теперь придётся с ней расстаться, чтобы получить отсрочку. Вивьен тяжело вздохнула и положила её в карман. Потом сняла платье, задула свечу и забралась под одеяло.

Дождь за окном уже не шумел, но небо затянуло тучами, и в комнате было совершенно темно. Вивьен пыталась уснуть, но не могла. Она вызвала в памяти образ герцога Роули.

Впервые она его увидела год назад. Он только что вернулся из длительного заграничного путешествия и устроил пышный бал в своём дворце. Дворец Роули был самым красивым в Блэкхите, к тому же он стоял на холме и как будто возвышался над всеми остальными зданиями в городе. Дворец из серого камня был спроектирован в готическом стиле, не современно, но помпезно. Герцоги Роули всегда любили выделяться, тем более что титул обязывал. Внутри дворец выглядел ещё шикарнее, чем снаружи. Обилие позолоты ослепляло, многочисленные картины, скульптуры, лепнина поражали воображение. Вивьен понималась по широкой мраморной лестнице и старалась не глазеть по сторонам, чтобы не споткнуться. Бальный зал был громадным. Под высокими потолками горели люстры с сотнями свечей, споря своим сиянием с блеском драгоценностей дам. Вивьен была в своём самом приличном синем платье, единственная драгоценность — мамина сапфировая брошь. Она чувствовала себя здесь неуместно. Но отец где-то достал приглашение и сказал, что непременно нужно пойти, что это может иметь большое значение для её будущего. Знакомые ей кивали, Вивьен улыбалась и кивала в ответ, но она замечала, каким снисходительным взглядом окидывали её шикарно одетые женщины,

тем более, что многие уже знали о бедственном положении графа Торнвуда. Она смотрела на танцующих, на дорогие тончайшие заграничные кружева ручной работы, на мужчин в идеально сидящих фраках, должно быть, только что от лучших портных Блэкхита, и ей отчаянно хотелось кружиться в вальсе под лучами восхищённых взглядов, а не подпирать спиной стену и ощущать себя лишней на этом празднике счастливых беззаботных людей.

И тут она увидела его. Филипп Роули, шёл через центр бального зала. Именно так Вивьен и представляла себе принца Генри из книги про Лилию. Золотистые густые волосы волнами обрамляли его невыносимо красивое лицо. Он улыбался легко и открыто, отвечая на приветствия гостей. Вивьен смотрела на него, как заворожённая. Когда он проходил мимо неё, на мгновение их взгляды встретились. Он вежливо улыбнулся и проследовал далее. Вивьен успела заметить, что глаза у него ярко-голубого цвета. «Как майское небо», — написали бы в романе. Он пригласил на танец симпатичную блондинку в светло-розовом платье, с высокой причёской, украшенной живыми цветами. Во время танца он что-то шептал ей на ухо, а она залившись хохотала и кокетливо отворачивалась. Вивьен отошла в тень одной из раскидистых пальм, растущих в деревянных кадках, чтобы не привлекать излишнего внимания.

Сёстры Стэнли, завершив тур вальса, раскланялись со своими кавалерами и встали неподалёку от Вивьен.

— Ему двадцать четыре года, — услышала она звонкий голос Эммы Стэнли.

— Да тихо ты! — пыталась утихомирить Эмму Шерли, её старшая сестра.

— И я слышала, что он подыскивает себе жену, — продолжала Эмма тише, но её голос всё равно доносился до Вивьен. — Может быть это будет Арабелла? Он так смотрит на неё сегодня!

— Говорят, он очень разборчив. Он ведь человек творческий. Пишет прекрасные стихи!

— Правда? Как интересно! Такой красавец, ещё и поэт!

Вивьен потихоньку двинулась к выходу. Бал был в самом разгаре, но находиться здесь ей было тяжело. Она нашла отца в компании игроков в карты. Сказала, что у неё разболелась голова, и отец с явным неудовольствием покинул бал вместе с ней. По дороге долго высказывал, что так рано уходить не стоило, это неразумно и неприлично, что в конце концов если она будет такой дикой, то у неё не получится подыскать себе партию и устроить свою судьбу. Вивьен не отвечала, просто равнодушно смотрела на проплывающие за окном тёмные силуэты деревьев. Голова и в самом деле болела. Настрою отца она не разделяла. Выгодная партия ей не светила, да и не очень выгодная, в принципе, тоже. Дела шли всё хуже, земли и ценные вещи постепенно распродавались. А отец всё так же стабильно проигрывал деньги в карты, всякий раз надеясь отыгратья.

Умом она всё понимала. Но всё равно не могла себе отказать в удовольствии пофантазировать о том, как бы всё могло быть, стань мечта реальностью. По вечерам, откладывая книгу, Вивьен представляла, как Филипп задерживает на ней взгляд, как голубые глаза загораются интересом. И вот он подходит к ней, приглашает на танец, они разговаривают. Потом с нетерпением она ожидает каждой следующей встречи. И, наконец, в один прекрасный день он делает ей предложение...

Сегодня появился реальный шанс, что всё это станет возможным. Марта говорила, что Эшворт всегда доводит до конца те дела, за которые берётся. Эшворт. Вивьен уже клонило в сон, но осознание того, что завтра нужно идти к нему, резко выбросило её из полудрёмы, вдруг снова стало холодно, хотя она уже согрелась было под шерстяным одеялом. На мгновение у неё промелькнуло желание никуда не идти. Остаться дома, может быть, всё как-то разрешится само собой? Но вспомнила, как Джули шла к повозке с опущенной головой, и приняла окончательное решение идти до конца.

В половине девятого утра лавки и конторы были уже открыты. Вивьен собиралась выйти из дома раньше, но, после своих длительных ночных размышлений, утром проснулась с огром-

ным трудом. Завтракать времени уже не было, поэтому она допила вчерашний холодный чай, взяла с собой из кухни горбушку ржаного хлеба и направилась к ювелиру. Сентябрьский утренний воздух был сырым и холодным, небо — серое, угрюмое, с низкими тяжёлыми тучами. Листья на некоторых деревьях уже слегка подёрнуты желтизной. Вивьен шла, кутаясь в свой старый плащ с потёртыми на локтях и манжетах рукавами, старательно обходя многочисленные лужи, оставшиеся после вчерашнего дождя. Нащупывала в кармане брошь, а на глаза наворачивались слёзы. «Так надо, — успокаивала она себя. — Это не спасёт, но, возможно, даст время, так необходимое сейчас».

Вивьен уже привыкла ходить по улицам города пешком. Кареты и лошадей давно продали. За пару лет она изучила улочки старого города как свои пять пальцев.

Блэкхит располагался в долине между двух холмов, на берегу реки. Изначально он был деревней, позже стал торговым городком. Потом, когда с юго-запада он начал прирастать фабриками и заводами, он превратился во второй по величине город в королевстве после столицы.

Своё название Блэкхит получил из-за особого сорта вереска, который в изобилии рос на Пустоши на окраине города. Тёмно-пурпурный, почти чёрный, он покрывал холмы плотным ковром, и ветер вздымал его волнами, отчего Пустошь становилась похожа на море из тёмной крови, как будто вереск впитал в себя кровь древних битв, происходивших когда-то в этих местах. Так гласила одна из легенд.

Блэкхит состоял из двух частей, разных миров, которые существовали рядом, но почти не пересекались.

На юго-западе, за старыми городскими стенами, вырос промышленный Блэкхит. Трубы фабрик и заводов уходили в небо, днём и ночью выбрасывая клубы дыма. Воздух там был густым, тяжёлым, с удушливым запахом железа и угольной пыли. Грохот станков не затихал ни на минуту. Хозяева фабрик богатели, строили дома на возвышенностях, откуда был виден весь город. А внизу, в долине, жили простые рабочие, те, кто помогал богатым становиться ещё богаче.

Вивьен же жила в старом городе, той части Блэкхита, которая осталась с прежних времён. Здесь было всё иначе. Особняки старой аристократии, построенные в прошлых веках, радовали глаз разнообразием архитектурных стилей. Некоторые из именитых семей ещё держались на плаву, и их дома выглядели свежо и ухоженно. Но с каждым годом всё больше дворянских родов приходило в упадок. Их дома ветшали и зарастали колючим кустарником, как дом Торнвудов. Узкие мощёные улочки петляли между домами из серого камня, покрытыми красной черепицей. Здесь не было фабричного шума. Только скрип тележных колёс, гомон голосов, доносящихся с Рыночной площади, да перезвон с колокольни церкви Святой Анны. А пахло здесь свежей выпечкой из лавок, дымом из каминных труб и сырым камнем.

Дома простых горожан стояли так плотно, что солнечный свет даже днём едва пробивался в узкие улочки. В дождливую погоду вода стекала с крыш, оставляя тёмные разводы на стенах. Многие фасады, давно не видевшие ремонта, облупились и выцвели.

Лавка ювелира Шварца находилась на следующей улице после Рыночной площади. Вивьен толкнула дверь и вошла. Сквозь пыльное окно свет почти не пробивался, поэтому в лавке горели масляные светильники. Господин Шварц — невысокий полноватый мужчина с залысинами на висках сидел за верстаком, наклонившись над лупой и рассматривая красный сверкающий камешек без оправы, должно быть, рубин. Он поднял голову и приветливо улыбнулся, отчего его и так маленькие глазки, сузились до узких щелок.

— Ааа, мисс Торнвуд! — воскликнул ювелир. — Давненько вас не было! Проходите, садитесь!

Вивьен села на стул напротив него.

— С чем пожаловали? Продать снова что-то хотите? — продолжал он и пороссячи глазки его сверкали не меньше, чем рассматриваемый им до этого камешек. — Вы обычно симпатичные вещицы приносите!

Вивьен не разделяла его веселого тона.

— Да, у моей мамы был прекрасный вкус, — тихо сказала она. — Если бы не крайняя нужда, я бы ни за что не рассталась с её драгоценностями.

Ювелир вдруг понял, что такая неуёмная радость в этой ситуации не уместна, и улыбка сползла с его лица.

— Извините, — промолвил он и смущённо кашлянул.

Вивьен достала из кармана завернутую в носовой платок брошь, развернула и положила перед Шварцем.

— Сколько дадите?

Ювелир аккуратно взял брошь толстыми пальцами, внимательно посмотрел на неё через лупу.

— Десять тысяч! — наконец произнёс он.

Вивьен молча протянула руку, чтобы забрать брошь назад. Ювелир отдёргнул руку с брошью.

— Ладно, пятнадцать!

— Двадцать, — твёрдо сказала Вивьен.

— Семнадцать. Это последняя цена. Больше вам никто не даст, уверяю. Ни Сильвер, ни тем более Фабер — тот ещё скряга!

— Хорошо, давайте, — согласилась Вивьен.

Ювелир вышел в подсобку. Через несколько минут вернулся с деньгами. Пересчитал их при Вивьен, собрал в стопку и отдал ей в руки.

— Всегда рад сотрудничеству, — сказал он. — Приходите ещё.

Вивьен кивнула. Говорить, что больше ей продавать нечего, она не стала. Убрала деньги в карман и вышла из ювелирной лавки, снова направившись через Рыночную площадь.

Кредитная контора «Бэнкс и сыновья» находилась в переулке Свободы. Название переулочка звучало как насмешка. Мало кто из тех, кого приводила сюда судьба, чувствовали себя свободными. Вивьен поднялась по деревянным ступеням и вошла. В нос ударили запахи крепкого табака и бумаги. За столом сидел молодой секретарь с тонкими усиками и в пенсне, поверх которого он смотрел на посетителей надменно и с оттенком снисхождения.

— Вы по какому вопросу, мисс?

— Меня зовут Вивьен Торнвуд. Я к господину Бэнксу, по поводу долга графа Себастьяна Торнвуда.

— Одну минуту, — секретарь удалился в кабинет начальника. Вернулся он даже раньше. — Проходите.

Вивьен собралась с духом и вошла. В центре кабинета стоял массивный стол, за которым сидели двое мужчин, один лет шестидесяти, седой, с тяжёлым взглядом, второй — лет около тридцати, гладко выбритый шатен с лоснящимся лицом. Первый, должно быть, сам Бэнкс, а второй — один из сыновей. Стены по периметру были заставлены шкафами с массивными замками, в которых хранились закладные, расписки и информация о должниках.

— Слушаю вас, мисс Торнвуд, — сказал старший. — Вы пришли вернуть долг?

— Да, но пока не весь, — ответила Вивьен. — У меня семнадцать тысяч.

— Леонид, сынок, достань-ка мне расписку графа Торнвуда.

Леонид подошёл к одному из шкафов, открыл его ключом, и, покопавшись некоторое время, достал с полки папку и отдал отцу.

— Так... — Бэнкс перевёл взгляд с содержимого папки на посетительницу. — Пятьдесят тысяч! Ваши семнадцать даже проценты не покрывают.

— Я хочу попросить отсрочку. На три месяца. Если вы согласитесь, то через три месяца получите вдвое больше.

Бэнкс удивлённо присвистнул.

— И откуда же, позвольте спросить, вы возьмёте такие деньги, милая леди?

— Не важно. Но они у меня будут. Так что вам прямая выгода дать мне эту небольшую отсрочку.

— Что ж, я согласен. Давайте подпишем документы.

Получив бумаги, Вивьен ушла.

Когда дверь за ней закрылась, Леонид усмехнулся.

— Зачем ты согласился, отец? Всё равно же не заплатит.

— А вдруг заплатит? — спросил Бэнкс. — К тому же, девушки с таким характером — товар не очень выгодный, даже проблемный. Забот не оберёшься. Пусть погуляет ещё. Во всяком случае, она никуда не денется. Своё всё равно заберём рано или поздно.

Вивьен ускорила шаг. Было примерно без четверти полдень. Опаздывать было нельзя. Последние два квартала она преодолела почти бегом. Нужный ей дом стоял в самом конце улицы Краснодеревщиков. Дальше был только тупик. Когда-то на этой улице было несколько мастерских, делавших мебель на заказ. Но теперь они закрылись, старые мастера умерли, их дети выбрали другие профессии, а кто-то просто уехал. Жилых домов здесь осталось мало. Место тихое, уединённое, неудивительно, что колдун выбрал именно его, чтобы поселиться здесь. Вивьен взлетела по каменной лестнице, остановилась перед массивной дверью, пытаясь отдышаться. Подняла было руку, чтобы постучать, но дверь неожиданно приоткрылась, из щели появилась рука, которая схватила Вивьен за запястье и рывком втянула внутрь. Она даже испугаться не успела, как оказалась в полумраке тесного вестибюля. Рука её тут же стала свободной. Свет проникал только из узкого окна, расположенного под самым потолком. Глаза привыкли к тусклому свету, и она увидела, что Эшворт стоит напротив неё.

— Будь осторожней, когда приходишь. Место безлюдное, но мало ли. Лишние свидетели не нужны.

Вивьен кивнула, приходя в себя.

— Идём в кабинет, — сказал он.

Комната, куда она вошла вслед за колдуном была гораздо просторней. В ней было тепло, в камине тлели дрова. Пахло древесным дымом и какой-то травой. Здесь тоже было не слишком светло, два окна из трёх выходили на глухую стену. Между окнами — огромное зеркало, в котором Вивьен отразилась в полный рост, явно старинное, в потемневшей раме. Мебель в комнате была разномастной, как будто хозяин каждый из предметов приобрёл по случаю, не особо задумываясь над тем, как они сочетаются между собой. Антикварный дубовый стол соседствовал с простыми грубыми табуретками, явно куплёнными на Рыночной площади не так давно. Возле камина друг напротив друга стояли два старых продавленных кожаных кресла с потёртыми подлокотниками. Вдоль стены — несколько книжных шкафов из сосны, до отказа забитых книгами.

Вивьен сняла плащ. Эшворт забрал его и повесил на вешалку у входа. Она впервые увидела его при дневном свете, пусть и скудном, пробивающимся через грязные окна с пасмурной улицы. На нём была чёрная рубашка с расстёгнутым воротом и закатанными по локоть рукавами, открывающими обожжённые руки. Штаны — темные, из грубой ткани, заправленные в высокие сапоги. Сегодня он был гладко выбрит, отчего стал выглядеть моложе, волосы зачёсаны назад, но на лоб падало несколько непослушных чёрных прядей.

— Садись, — он указал в сторону кресел. Вивьен села, нервно расправляя складки платья. Она протянула руки к камину и потёрла их друг о друга, согревая. Колдун сел напротив. Некоторое время смотрел на неё молча, испытываяюще. Она отвела взгляд, посмотрела на красноватые отблески в камине.

— Ты меня боишься? — спросил он.

— Нет, — ответила Вивьен.

— Ты меня боишься, — повторил он, уже с утвердительной интонацией. — Это будет мешать. Послушай, я тебе не враг. Считай, что я... учитель. У тебя ведь были учителя?

— Были, — ответила Вивьен. — Правда, не колдуны.

Он криво усмехнулся.

— Естественно. Откуда ты вообще обо мне узнала?

— Марта рассказывала. Она у нас кухаркой работала несколько лет назад.

Он внезапно хрипло рассмеялся.

— Нет, это замечательно! — воскликнул он, потирая пальцами лоб. — Я скрываюсь в этом проклятом городе, как только могу, а обо мне знает каждая кухарка!

— Она не каждая кухарка. Она травница. Много с кем общалась, много чего знала. Она мне всякие истории рассказывала... разные. — Вивьен поколебалась пару мгновений и, наконец, осмелилась задать вопрос. — А чему вы меня учить будете?

— Сегодня — ничему. Мне сначала нужно войти в курс дела, — ответил Эшворт, откинувшись на спинку кресла. — Главное, о чём хочу тебя предупредить: во избежание разного рода проблем ты должна быть со мной честной во всём.

— Как со священником?

— Нет. Не как со священником. Ещё честнее. Если я буду получать недостоверную информацию, это осложнит дело. Тем более, что я всё равно чувствую ложь. Так что не надо меня бесить и заставлять понапрасну тратить силы. Поняла?

— Поняла, — ответила девушка.

— Тогда начнём. Что мы имеем? Герцог. Богат, знатен. По непреложным законам высшего света ему полагается выбирать выгодную партию. Обычно невесту присматривают родители. Но родители Филиппа Роули уже умерли. Он совершеннолетний, поэтому имеет право сам решать свою судьбу, давление на него оказывать никто не будет. Разве что общественное мнение? Но он молодой, ветреный, пойти против мнения общества и совершить какой-нибудь из ряда вон выходящий поступок ему ничего не стоит. Например, жениться на ком-то неожиданном. На тебе, скажем. Это даже подстегнёт его: он любит быть в центре внимания.

— Но он меня совсем не замечает, — мрачно сказала Вивьен.

— Заметит. Но об этом позже. Сейчас о тебе. Как ты к нему относишься? Только правду.

— Ну, он мне нравится. — смущенно ответила Вивьен. — Он такой... Красивый, образованный, возвышенный... Не как все. Идеальный. Как в романе.

Эшворт театрально закатил глаза и тяжело вздохнул.

— Ты читаешь романы? — с оттенком презрения в голосе спросил он.

— Читала. В детстве. Сейчас нет, — проговорила Вивьен, упорно рассматривая узор красного восточного ковра на полу. Лицо её было ещё краснее, чем этот ковёр.

— Ладно. Зато мне теперь понятно, почему ты нацелилась именно на него. Сегодня я набросаю план обучения. Придёшь завтра в то же время.

Вивьен подняла голову, хотела что-то спросить, но прикусила язык. Колдун заметил её движение.

— Спрашивай, — сказал он.

— Я ничего не хотела спросить, — соврала Вивьен и снова отвела взгляд.

— Я, кажется, предупреждал, что врать мне не надо. Хорошо, я скажу за тебя. Ты хотела спросить, зачем какое-то обучение, неужели я не могу просто приворожить его к тебе?

Вивьен побледнела. Никогда раньше ей не приходилось иметь дела с колдунами, и она не ожидала, что Эшворт будет видеть её насквозь.

— Вы что, мысли читаете? — выдохнула она.

— Нет. Просто хорошо знаю людей. Я объясню. Приворот — это не внушение любви навеки. Это иллюзия. Он будет одержим тобой короткое время, сам не понимая, почему. А потом иллюзия рассеется, он очнётся. И всё пойдёт прахом. Нужно сделать так, чтобы он сам тебя выбрал. Не потому, что кто-то заставил. Я могу помочь с тем, чтобы он просто обратил внимание на тебя. Сначала с помощью обычных человеческих манипуляций. Если не сработает — применим крайние меры. Магические. Но дальше всё будет уже зависеть от тебя, сможешь ли ты это внимание удержать. Готова?

Честно говоря, Вивьен не ожидала, что всё окажется так сложно. Она действительно думала, что Эшворт что-то там наколдует, и Филипп влюбится в неё мгновенно и без оглядки. Она испытывала жестокое разочарование, но выбора уже не оставалось.

— Да, — ответила она.

— Тогда до завтра, — сказал Эшворт.

Вивьен поднялась и пошла к выходу. У двери она обернулась. Эшворт остался сидеть в кресле с непроницаемым лицом, со взглядом, погружённым в себя. Она сняла с вешалки свой плащ, надела его и вышла. На ступеньках девушка постояла какое-то время, подставляя ветру разгорячённое лицо, а потом вспомнила, что Эшворт просил не светиться возле его дома и поспешила прочь.

Когда дверь за ней захлопнулась, Эшворт встал, разжёг погасший камин и снова опустился в кресло. Оранжевые языки пламени бодро заплясали, дрова слегка потрескивали. Он до сих пор не понимал, зачем на это согласился. Даже сегодня утром колдун был почти уверен, что прогонит её. Но, наверно, причин, почему он этого всё-таки не сделал, было несколько. Во-первых, заиметь герцогиню в должниках — дело выгодное. Если у неё получится, она будет ему обязана. Это могло пригодиться. Не ему, так кому-то ещё. Во-вторых, новый опыт. Было интересно выйти за рамки прежних однообразных дел. Ему было скучно. Ну, и в-третьих, он видел таких девушек, которым никто не помог. Если её заберут, она тоже станет одной из сотен сломанных девочек. Многие сдавались сразу. Она — нет. Это ж надо было, прийти ночью в заброшенную часовню просить о помощи колдуна, которого она до смерти боится! Что же там за страшные истории рассказывала о нём эта незнакомая ему Марта, интересно...

Он рывком поднялся с кресла, подошёл к столу, в ворохе исписанных листов нашёл чистый, обмакнул перо в чернильницу и начал писать план по пунктам.

Глава 3

Вивьен не хотелось домой, поэтому она свернула в противоположную сторону и направилась к Пустоши. Она прошла мимо заброшенных домов и заколоченных лавок. Ночью они выглядели пугающе, сейчас же, при дневном свете — просто убого и уныло. Дождь закончился, выглянуло солнце, стало заметно теплее.

Вересковая пустошь встретила её ветром, согретым полуденными лучами солнца. Цветение вереска было в самом разгаре, и склоны были покрыты тёмно-пурпурными, почти что чёрными, волнами с вкраплениями лилово-розовых пятен. Небо над головой стояло высокое, посветлевшее, с редкими рваными облаками. Солнце грело слабо, мягко, как бы напоминая, что лето уже миновало, а впереди — долгие месяцы холода, сырости, ветров и мороза. Тени, падающие от низких кустов шиповника, стали длиннее. Вдали виднелся шпиль часовни, но в ту сторону идти совсем не хотелось.

Тропинка, по которой она шла, изгибалась среди кочек, покрытых мхом, и вела к старому дубу, раскинувшему свои мощные ветви на вершине холма. Вивьен пошла к нему. Мокрая трава оставляла капли на ботинках, края платья намокли, хотя Вивьен пыталась их приподнимать.

Вивьен любила здесь бывать. Сюда не доносился шум города, не звучал гул человеческих голосов, лишь изредка раздавались птичьи крики. Никого. Только вереск и бездонное небо. Она села на сухую траву под дубом и глубоко вдохнула. Её свобода пахла именно так: травами, сухим мхом, ветром Пустоши, сдувающим все тревоги. Вивьен сорвала ветку полыни, растёрла в пальцах, поднесла к лицу, вдыхая терпкий аромат с нотками горечи, и вдруг застыла от осознания, что чувствовала этот запах в доме у колдуна. Не только этот — в его доме пахло ещё дымом, старыми книгами, но нота полыни ощущалась очень ярко. Вивьен выронила ветку — её подхватило ветром и унесло. Тягостные мысли снова неудержимо наваливались на неё, пробуждённые этим запахом. Она не думала, что всё будет так сложно. Идя к нему домой, она действительно рассчитывала, что сделка — это просто. Он выдвинет какие-то условия, она согласится, а потом он сотворит какое-то одному ему ведомое колдовство, и дело будет сделано. Она не была готова к тому, что потребуется какое-то сложное обучение, и сейчас с содроганием думала о том, что придётся иметь дело с этим человеком длительное время: ходить к нему домой, выполнять всё, что он потребует. «Ты станешь моей марионеткой», — сказал он тогда, в часовне. Вивьен не хотелось быть марионеткой. Но выбор был невелик: либо она — марионетка колдуна, либо она — шлюха в портовом притоне. Она невесело усмехнулась. Что бы он ни потребовал в качестве платы, вряд ли это будет страшнее.

Солнце скрылось за набежавшей с северо-запада тучей. От земли потянуло сыростью, и Вивьен почувствовала, что продрогла. Она встала, отряхнула плащ от травинки и пошла домой. Запах полыни, оставшийся на её ладони, преследовал её на протяжении всего пути.

Дома она забралась под одеяло, но дрожь в теле не проходила. «Простыла, — подумала Вивьен. — Чёрт, только не сейчас! Некогда болеть. Завтра нужно идти к Эшворту». В горле першило, голова раскалывалась от боли. Вивьен начала проваливаться в мутный тревожный сон. Вдруг она услышала внизу грохот распахнувшейся входной двери, как будто её вышибли ударом. Она вскочила и побежала вниз в полной темноте, борясь с головокружением и хватаясь за стены, чтобы не упасть. Внизу было светло. В гостиной стояли трое, двое из них подхватили её под руки и потащили к выходу, третий шёл следом. Вивьен отчаянно вырывалась, но при виде крытой повозки её накрыл такой ужас, что её будто парализовало. На другой стороне улицы стояла высокая тёмная фигура. Она узнала его — это был колдун, Эшворт. Вивьен попыталась крикнуть, попросить его о помощи и... проснулась. Она лежала в своей постели под одеялом, ночная рубашка была насквозь мокрая от пота. Несколько мучительных секунд ей

потребовалось на осознание того, что ничего не было, это просто кошмар. Вивьен облегчённо выдохнула и снова провалилась в вязкий, как болото, сон.

Следующий сон оказался продолжением предыдущего. Ей каким-то образом удалось сбежать. Она неслась по ночной Пустоши — вереск хлестал по ногам, цеплялся за ночную рубашку. За ней шла погоня, за спиной Вивьен слышала десятки голосов, топот, который становился всё ближе. Это не только кредиторы, это кто-то ещё, страшнее, гораздо страшнее. Ей нужно было успеть добежать до часовни — там спасение. Было жарко, во рту пересохло. Она споткнулась, упала, изо всех сил рванулась, поднялась на ноги и снова вынырнула из сна. Жутко хотелось пить. Вивьен нащупала на столе рядом с кроватью стакан с водой, залпом его осушила и откинулась на подушку. Жар разливался по телу. Она откинула одеяло, но тут же её вновь начал бить озноб. Она натянула одеяло, сжалась под ним, стараясь не засыпать, чтобы не видеть всех этих ужасов, которые рисовал ей воспалённый лихорадкой мозг. Но тут же уснула снова.

Она стояла в часовне, пытаясь отдышаться от безумного бега. Перед ней молча стоял Эшворт со свечой в одной руке и ножом — в другой. Она должна была что-то ему сказать, что-то очень важное, слова рвались наружу, но она будто онемела и не могла произнести ни слова. Вивьен снова выбросило из сна. На грани пробуждения она изо всех сил пыталась запомнить, что она так сильно хотела сказать, но, проснувшись, поняла, что в памяти не осталось ничего. Она не помнила несказанных слов, помнила только ощущения: горечь и невыносимое отчаяние.

Она проснулась около одиннадцати утра с тяжёлой головой. Уже нужно было собираться. Вивьен встала, борясь с приступом головокружения, и стала одеваться. Тело ощущалось чужим, ватным. В горле всё так же саднило. Вивьен посмотрела в зеркало. Глаза воспалённые, лицо с лихорадочным румянцем. «Да уж, красавица, ничего не скажешь, — подумала она. — Отличное начало!»

Она выпила стакан воды. Есть не хотелось, от одной мысли о еде тошнило. Да и времени уже не оставалось. Вивьен накинула плащ и вышла на улицу. День был тёплым, безветренным. Путь до дома колдуна она прошла как в тумане. Поднялась по ступенькам, потянула ручку — дверь была открыта. Она сразу прошла в кабинет. Эшворт сидел в кресле, как и вчера, как будто бы до сих пор не вставал.

— Добрый день, — сказала она охрипшим голосом и сама ужаснулась этому звуку.

Эшворт обернулся.

— Ты больна? — недовольно спросил он.

— Немного, — ответила Вивьен. — Но это не помешает.

— Чёрт, Вивьен! — воскликнул он, встав и подойдя ближе. — Ты же еле на ногах держишься! Зачем ты пришла в таком состоянии? Что я с тобой делать буду?

— Не знаю, — проговорила она, глядя в пол.

— Значит так, — сказал он тоном, не терпящим возражений, — иди домой. Лечись. Придёшь, как выздоровеешь.

— Не пойду. Я смогу, не обращайтесь внимания.

— Ты себя видела вообще? Сможет она... Иди домой, я сказал! Никуда твой герцог не денется!

— Герцог, может, и не денется, — сказала Вивьен. — А вот я...

Она не договорила, но Эшворт понял, что она имела в виду. Времени было мало. Колдун устало вздохнул.

— Вот что с тобой сделаешь? — раздражённо проворчал он. — Садись, я сейчас.

Он вышел. Вивьен села в кресло, откинулась на спинку, закрыла глаза. Колдуна не было долго. Он вернулся с дымящейся чашкой, поставил перед ней на стол.

— Пей, — приказал он.

— Что это? — спросила Вивьен, с подозрением глядя на мутноватую янтарную жидкость. От неё пахло гвоздикой, имбирём и спиртом.

— Горячее вино с пряностями. И с кое-чем ещё.

— С чем?

— Если я скажу, ты не выпьешь. Делай, что я говорю. И не задавай неуместных вопросов. Вивьен сделала глоток и поморщилась. На вкус напиток был горьким. Горло обожгло, но следом по телу разлилось приятное тепло.

— Ещё пей. До дна, — потребовал колдун.

Вивьен выпила. В голове немного прояснилось, по крайней мере, она перестала раскалываться. Слабость в теле не прошла, но уменьшилась и стала другой — тягучей и почти уютной.

— Что это такое? — спросила она.

— Полынное вино. Старинный рецепт. Им лечат упадок сил. Понравилось?

— Нет. Горькое.

— Горькое — самое полезное в этой жизни, девочка, — сказал колдун с усмешкой. — Сладкое только вредит.

— А почему вы сказали, что если я узнаю, я не выпью?

— Просто так. Чтобы тебя напугать. Испугалась?

— Нет.

— Зря, — сказал он.

Вивьен посмотрела на Эшворта. На его лице не было ни тени улыбки. Она не понимала, шутит он или говорит всерьёз. И вот от этого как раз было не по себе.

— Готова? — спросил он и, не дожидаясь ответа, скомандовал: — Вставай! Иди в центр кабинета. Плечи расправь, спину выпрями!

Вивьен поднялась и пошла, стараясь не шататься, потому что перед глазами всё слегка плыло. Дойдя до указанного места, она остановилась.

— И что ты стоишь, как фонарный столб? — спросил он. — Герцоги не влюбляются в столбы.

— А что мне делать? — с недоумением спросила Вивьен.

— Пройдись. До двери и обратно.

Вивьен пошла в сторону двери.

— Изящнее, ты же не на плацу! Что ты вышагиваешь, как солдат?

Вивьен попыталась идти плавнее.

— Ну не до такой же степени! — воскликнул Эшворт. — Ты — леди, а не портовая... красotka.

Вивьен повернулась, открыла рот, чтобы спросить, зачем он над ней издевается, но посмотрела на его лицо и передумала говорить. Эшворт сверлил её какое-то время тяжёлым взглядом, но внезапно уголок его рта дрогнул.

— Ты злишься, — сказал он. — Ты не только не умеешь изящно ходить по бальному залу, но ещё и не умеешь скрывать свои эмоции. Тебя учить и учить.

— А зачем мне скрывать эмоции?

— Чтобы герцог поверил, что ты его любишь.

— Но я правда... — начала Вивьен и вдруг осеклась.

— Правда его любишь? — спросил колдун.

— Да, правда его люблю! — с нажимом ответила она, подняв голову.

— Это хорошо. Значит, тебе будет проще. Наверно. Но научиться не показывать своих эмоций, а также показывать не те эмоции, которые ты на самом деле испытываешь, всё же придётся. Однако этим мы займёмся в следующий раз. Сейчас — походка. Давай ещё раз.

Вивьен выпрямила спину и пошла, стараясь представить, что она на балу, и на неё смотрит Филипп.

— Лучше, — сдержанно похвалил Эшворт. — Но с выражением лица ещё надо будет работать.

Вивьен резко остановилась и вдруг села прямо на пол.

— Что? — спросил колдун удивлённо.

— Я чувствую себя никчёмной! — в отчаянии произнесла Вивьен. — Как будто я — бесформенный кусок глины, из которого нужно что-то вылепить. Над походкой — работать, над лицом — работать... А что, если у меня ничего не получится?

— Значит, я плохо делаю свою работу, — жёстко ответил Эшворт. — А я её всегда делаю хорошо. Вставай. Пол холодный.

Он подошёл к ней и подал руку. Вивьен немного помедлила, но протянула в ответ свою. Эшворт рывком поднял её с пола и тут же отпустил.

— Ты чувствуешь себя никчёмной потому, что приходится делать то, чего ты никогда раньше не делала. Скоро ты привыкнешь и будет проще. И давай в следующий раз без истерик, хорошо?

Вивьен кивнула, обругав себя мысленно за этот срыв.

— Договорились. Завтра придёшь, если почувствуешь себя лучше. В таком состоянии, как сегодня — не стоит. Не приходи до тех пор, пока не придёшь в норму, иначе это будет только бесполезной тратой времени. Иди домой.

Вивьен вышла из дома, спустилась по ступенькам. Слабость навалилась с новой силой. Она медленно пошла по улице, не глядя по сторонам. С каждым днём она всё меньше верила в успех своей безумной затеи. Но отступить уже было нельзя.

На следующий день она не смогла встать с постели и решила остаться дома. Спала почти весь день, изредка выныривая из дрёмы. В перерывах между сном Вивьен думала о том, что вела себя вчера как дура. Чего доброго, колдун разозлится и вообще откажется ей помогать.

На второй день жар спал, и Вивьен отправилась к Эшворту.

— Явилась? — спросил он, когда она вошла в кабинет. Он сидел за столом и что-то писал. — Живая?

— Как видите, — ответила Вивьен.

— Тебе стоило бы ещё отлежаться, вид у тебя... — он скривился, давая понять, что выглядит она всё ещё измученной и больной. — Но тебе не терпится, я помню. Сегодня учимся контролировать эмоции. Те, кто вращаются в свете, владеют этим искусством хорошо. У тебя нет практики. Но это поправимо. Не надейся, что получится сразу. Тебе сложнее, чем остальным, но это не значит, что ты не справишься.

— Почему вы считаете, что мне сложнее? — спросила она.

— Потому что ты не умеешь врать.

— Я умею, — уязвлённо сказала Вивьен.

— В самом деле? — скептически произнёс колдун. — Тогда соври мне что-нибудь.

— Мне нравится дождливая погода.

— Не верю. Ты механически эту фразу произнесла, на лице не отразилось ничего. Да и не та это тема, на которую есть смысл врать. Скажи, что ты меня не боишься.

— Я вас не боюсь.

— Глаза отводишь, голос садится.

Вивьен сделала два шага к нему и оказалась совсем рядом. Посмотрела в глаза, впервые прямо и пристально.

— Я вас не боюсь! — с вызовом повторила она.

При дневном свете его глаза оказались не чёрными, как ей показалось в полумраке часовни. Они были карими, орехового оттенка, с едва заметными зеленоватыми вкраплениями. Никакой бездны на неё из них не смотрело. Обычные человеческие глаза.

— Я вас не боюсь, — сказала она опять, на этот раз спокойным и ровным голосом.

Эшворт смотрел на неё не отрываясь, но уже без своей обычной усмешки.

— Засчитано, — сказал он. — Но ты всё равно боишься. Я чувствую твой страх. Впрочем, герцог — не колдун, для него сойдёт. Для него вообще главное, чтобы ему смотрели в рот и восхищались. Даже самую грубую лесть он примет за чистую монету. Но, тем не менее, для наилучшего эффекта тебе нужно научиться делать всё это тоньше.

— А можно вопрос?

— Спрашивай.

— Вы так пренебрежительно отзываетесь о Филиппе Роули. Вы с ним знакомы? У вас к нему неприязнь?

— Не знаком. Но доводилось наблюдать со стороны. Вот что ты за человек, Вивьен? С тобой постоянно всё идёт не по плану! Разбор личности герцога Роули должен был быть гораздо позже. Но раз уж ты сама начала этот разговор...

Эшворт жестом показал Вивьен, чтобы она села. Она устроилась в кресле. Колдун сел напротив.

— Чтобы привлечь Филиппа Роули, — начал он, старательно подбирая слова, — тебе нужно стать его зеркалом.

— Чем? — не поняла Вивьен.

— Зеркалом. Он любит внимание к себе. Лучший способ получить его благосклонность — это уметь слушать, когда он говорит о себе. Восхищаться. Если он будет отражаться в твоих глазах в выгодном свете — это почти победа. Но и чересчур увлекаться нельзя. Ты должна всё равно оставаться для него загадкой, ускользающей, той, которая может исчезнуть, а значит, её нужно удержать.

— Как-то сложно, — вздохнула Вивьен.

— В романах проще, не правда ли? — поддел её Эшворт.

— Правда, — согласилась она, не отреагировав на издёвку.

— Делаешь успехи, — похвалил он. — Не показала, что разозлилась.

— А я и не злилась. Что ещё мне нужно знать о герцоге?

— Пока ничего. Всему своё время. На сегодня этого достаточно. Сначала разберём, как ты должна держаться, а уже потом перейдём к герцогу. Не надо распыляться. Первоочередная твоя задача — научиться владеть собой. Своим телом, своими чувствами, своими мыслями.

— То есть сейчас я всем этим не владею?

— Не владеешь. Тебе некомфортно в обществе. Ты не знаешь, куда себя деть. Ты нервная. Ты постоянно трогаешь свои волосы или платье, когда волнуешься.

Вивьен резко убрала руку от пряди волос у лица, которую неосознанно теребила.

— Ты не умеешь контролировать свои чувства, — продолжал Эшворт. — Они тебя захлестывают — и ты не думаешь о последствиях. Твои мысли — неудобные. Ты говоришь то, что думаешь.

— Это плохо? — спросила она.

— Людям не нравятся те, кто говорят не то, что они хотят услышать, — ответил колдун. — Поэтому — да. В большинстве случаев это плохо.

— Даже если им врут? — удивилась она.

— Да, даже если им врут, — подтвердил Эшворт. — Поэтому врать желательно так, как будто ты сама веришь в то, что говоришь. Это расположит людей к тебе. Что, не готова? — спросил он, заметив на лице Вивьен брезгливое выражение.

— А что, есть варианты? — спросила она, раздражённо дёрнув плечом.

— Если планируешь не сворачивать с пути, который ты выбрала, то других вариантов нет. Выигрывает тот, кто притворяется лучше всех.

— А вы? Вы умеете так? — вдруг спросила она.

— Я умею.

— И не противно?

— Мне в принципе противно иметь дело с людьми, — с усмешкой ответил он. — Но иногда приходится.

— Цинично, — заметила Вивьен.

— Зато честно. Роскошь, которую я иногда могу себе позволить.

— А когда можно говорить правду?

Эшворт задумался.

— Когда больше нечего терять, — ответил наконец он.

Вивьен молчала, обдумывая услышанное.

— Итак, на этой ноте предлагаю завершить философскую беседу, — сказал колдун, хлопнув ладонью по столу. — В прошлый раз ты была в таком состоянии, что походка не получилась. Попробуй ещё.

Вивьен встала и прошлась несколько раз до двери и обратно, представляя балльный зал и людей вокруг. Эшворт молча смотрел, а потом удовлетворённо кивнул.

— Уже лучше, — сказал он. — Когда ближайший приём, на котором ты сможешь его встретить?

— Через две недели.

— Что ж... — прикинул колдун. — Время ещё есть. Улыбнись.

Вивьен растянута губы в улыбке.

— Я просил улыбнуться, а не скривиться, как будто ты лимон съела, — сказал он.

Плечи Вивьен резко опустились.

— И закатывать глаза я тоже не просил, — добавил он, заметив её выражение лица. — Спокойно. Когда начинаешь нервничать, выполняй одно несложное упражнение. Положи руку на живот.

Вивьен послушалась.

— Так. Теперь делай глубокий вдох. Медленно. Так глубоко, чтобы рука двигалась. На счёт четыре. Раз, два, три, четыре. Теперь задержи дыхание.

Она замерла.

— Выдыхай. Тоже на счёт четыре.

Вивьен выдохнула. Внутри вдруг стало легко, и она действительно почувствовала себя спокойнее.

— Так повторяй несколько раз, пока не придёшь в норму. Помогает. Улыбнись.

Вивьен улыбнулась.

— Вот, другое дело. В следующий раз повторим. Прорепетируй дома перед зеркалом.

— Мне можно идти? — спросила Вивьен.

— Да. А завтра ты должна прийти в полночь в часовню.

— Опять?... — при воспоминании о том, как она шла туда в прошлый раз под дождём и в крошечной тьме, Вивьен вздрогнула. От мысли, что придётся повторить этот путь, стало не по себе.

— Нам нужно заключить сделку.

— Разве мы её ещё не заключили? — с недоумением спросила она.

— Нет. Традиционно заключение сделки происходит обязательно в месте, обладающем магической силой. Мы только договорились о её заключении. Всё это время мы оба могли передумать и отменить её. После сегодняшней ночи назад дороги уже не будет. Так что у тебя осталось чуть больше суток, чтобы ещё раз хорошо подумать и отказаться.

— Я не откажусь, — твёрдо сказала Вивьен.

— Дело твоё, — пожал плечами Эшворт. — Но потом не говори, что я тебя не предупреждал.

Глава 4

На этот раз дождя не было. Вивьен вышла за черту города, и звёзд стало гораздо больше. В городе их свет глушили фонари, на Пустоши же других источников света не было, затмевать их было нечему, и поэтому они безраздельно вступали в свои права и мерцали в ночной тьме ярким холодным светом. Луна висела высоко над часовней. Вивьен помедлила перед дверью. Она шла сюда полная решимости, но, когда рука потянулась к ручке двери, почему-то сдавило в груди и бешено заколотилось сердце. В голове снова мелькнула мысль, что ещё не поздно уйти. Однако Вивьен поборола этот приступ малодушия и открыла дверь. Изнутри на неё сразу пахнуло горьким запахом горящей сухой травы. На этот раз в часовне оказалось гораздо светлее, чем в прошлый. Тогда у Эшворта горела всего одна свеча, сейчас же вся часовня оказалась уставлена свечами в разномастных подсвечниках. Новые и блестящие соседствовали со старыми и закопчёнными. Дорогие, позолоченные и редкие экземпляры — с самыми дешёвыми металлическими, которые продавались в каждой свечной лавке и стоили гроши. В центре стояла глубокая бочка, в которой пылал огонь. Колдун в чёрном плаще стоял рядом и держал руки над огнём. Когда он поднял на неё глаза, пламя осветило его лицо, и Вивьен показалось, что сегодня он выглядит ещё более пугающим, чем в первый раз. Возможно, дело было в атмосфере, которой сопровождался ритуал.

— Пришла всё-таки? — спросил он.

— А вы думали — не приду?

— Надеялся на это.

Вивьен хотела спросить, почему же тогда Эшворт пришёл сам, ведь он тоже имел право отказаться, но не спросила. Вдруг и правда передумает?

— Подойди, — приказал он.

Вивьен подошла к бочке и встала напротив колдуна.

— Я даю тебе помощь, — начал Эшворт громким низким голосом, и по телу Вивьен вдруг прошёл озноб, хотя от огня в часовне было тепло. — Ты обещаешь плату. Ты обязана заплатить тогда, когда я выполню твою просьбу и назову цену. Согласна?

— Да, — ответила Вивьен.

— Сделку надо скрепить, — сказал колдун.

— Чем?

— За много веков другого способа не придумали, — сказал он. — Кровью.

Эшворт достал из-под плаща нож. Лезвие блеснуло в свете пламени. Он полоснул ножом по своей ладони, и несколько капель упало внутрь бочки. Огонь зашипел и вдруг взметнулся вверх. Вивьен в испуге отпрянула.

— Дай руку, — приказал колдун.

Вивьен протянула ему руку ладонью вверх. Эшворт взял её и посмотрел на Вивьен. Он медлил, ожидая, что она может передумать в последний момент. Её пальцы дрожали, но на лице была решимость. Тогда колдун провёл по её ладони лезвием. Выступила кровь. Он сильно сжал её руку, заставив несколько капель упасть в огонь, а потом прижал свой порез к её, смешав кровь. Воздух вокруг них заискрился. Вивьен вздрогнула, но руку не отняла.

— Всё, — сказал Эшворт, отпуская её руку. — Сделка заключена.

Он прошёлся по часовне, задувая свечи. Когда он задул последнюю, они вышли наружу.

— Можно задать вопрос? — спросила Вивьен, когда они шли через Пустошь к городу.

— Задавай.

— А правда, что под часовней замурована колдунья?

— Не проверял, — усмехнувшись, ответил Эшворт. — И тебе не советую.

До города шли в тишине. Потом их пути разошлись в разные стороны. Но Вивьен почти физически ощущала, что она теперь накрепко связана с ним. Порез на руке неприятно саднил. Проходя под фонарём, она взглянула на свою ладонь. Она по-прежнему была испачкана её и его кровью.

На следующий день Вивьен вышла из дома часа на два раньше назначенного колдуном времени. День был солнечным, она чувствовала себя уже гораздо лучше, и ей захотелось прогуляться по набережной в центре города.

Вивьен свернула на улицу, которая выходила прямо к набережной. Ветер донёс до неё запах реки. На набережной в это время было многолюдно, и она пожалела, что не вышла раньше — в утренние часы, когда здесь обычно бывает почти пусто.

— Вивьен? — услышала Вивьен знакомый голос.

Она обернулась. Перед ней стояла Сюзен Финчи, её подруга детства, вместе с которой они сбегали на Пустошь и делились секретами. Сюзен была на два года младше и ходила за Вивьен хвостом, слушая сочиняемые ею на ходу истории о привидениях в их доме, пугаясь и искренне веря каждому слову. Три года назад Сюзен уехала в столицу на обучение в какой-то пансионат, но пару месяцев назад Вивьен узнала, что она вернулась. Ей хотелось увидеть подругу, но к тому времени положение графа Торнвуда стало совсем бедственным. Он давно перестал общаться с соседями, да и к ним визитов уже никто не наносил. Вивьен не сочла уместным посетить дом Финчей, Сюзен тоже не приходила. Видимо, родители не советовали этого делать. Сейчас Сюзен стояла перед ней и широко улыбалась. Светлые кудрявые пряди волос, выбившиеся из-под модной шляпки, трепал ветер.

— Здравствуй, Сьюзи! — улыбнулась Вивьен, впервые тепло и искренне за долгое время. Она обняла подругу и потянула её к парапету, чтобы не мешать прохожим.

— Как ты поживаешь? — спросила Сюзен. — Я вернулась недавно, хотела тебя увидеть, но всё как-то...

Сюзен смутилась, не успев придумать уважительной причины, почему не поспешила навестить подругу. Вивьен окончательно убедилась в том, что Сюзен было запрещено наносить визиты в дом Торнвудов. Отец долгое время был должен крупную сумму и мистеру Финчу, из-за чего они с ним поссорились.

— У меня всё хорошо, Сьюзи! — сказала Вивьен. — Как твои дела?

— Ох, Вивьен, а у меня такие дела! — голубые глаза Сюзен засверкали от нетерпения поведать свою новость. — Я выхожу замуж! За Генри Перси, представляешь?

Перси — довольно знатная и богатая семья. Финчи тоже не бедствовали, но заполучить Генри Перси в мужья для Сюзен было удачей, учитывая, что в семье были ещё две дочери и приданое нужно было выделить всем.

— Это же замечательно! — воскликнула Вивьен и снова порывисто обняла подругу. — Я тебя поздравляю! Когда свадьба?

— Через три месяца. Так долго ждать, я с ума сойду!

— Не так уж много, — возразила Вивьен. — Столько приготовлений будет, не заметишь, как пролетит время.

— Да, ты права, — согласилась Сюзен. — А ты не... — она осеклась, вспомнив, что рассказывал отец. К тому же, только сейчас она обратила внимание на слегка потрёпанный плащ подруги, и этот мимолётный взгляд не укрылся от внимания Вивьен. Ей стало неловко.

— Я нет, — ответила она. — Сейчас у нас небольшие проблемы, которые, я надеюсь, скоро получится решить.

— Да, я слышала... — смущенно сказала Сюзен, отводя взгляд, но тут же взяла себя в руки. — А помнишь, как мы на Пустоши сидели?

— Конечно, помню, — улыбнулась Вивьен.

— Ты мне тогда о колдуне из часовни рассказывала. Как же его?.. Забыла его имя.

— Эшворт, — машинально сказала Вивьен.

— Точно! Эшворт, — просияла Сьюзен. — Ты до сих пор помнишь?

«Ещё бы, — хотелось сказать Вивьен. — Ведь сейчас я иду к нему домой».

— Ты ещё боялась, что он тебя утащит, — вместо этого сказала Вивьен.

— Меня родители так пугали, чтобы я на Пустошь не ходила, — со смехом сказала Сьюзен. — И я верила. А сейчас смешно.

— Да, смешно, — согласилась Вивьен с кривой усмешкой. Но Сьюзен ничего не заметила.

— Может быть и Эшворта-то никакого нет, — сказала Сьюзен. — Просто одна из страшных легенд Блэкхита.

— Может быть, — отозвалась Вивьен. — Прости, Сьюзи, мне уже нужно бежать!

— Да, конечно! Удачи тебе, надеюсь, что всё вскоре образуется!

— Спасибо, — сказала Вивьен. — Очень рада была тебя видеть!

Вивьен пошла вдоль реки, не глядя по сторонам. Гулять и наслаждаться тёплым сентябрьским днём расхотелось. Она почувствовала уныние и злость. У всех вокруг жизнь шла своим чередом, как нечто само собой разумеющееся, а ей приходилось совершать какие-то немыслимые вещи просто для того, чтобы выжить. Сейчас Сьюзен пойдёт домой, где её ждёт обед, семья, она будет обсуждать с матерью приготовления к свадьбе, а вечером, возможно, встретится со своим женихом. А она, Вивьен, снова идёт домой к колдуну, которого боится половина города, а вторая половина — ненавидит и тоже боится. С которым она заключила сделку на до сих пор не известных условиях и опять будет выслушивать очередную порцию колкостей и унижений.

Когда она вошла в кабинет, он был пуст. Вивьен села за стол. Сверху слышались шаги, она подняла голову и увидела, что Эшворт спускается по лестнице с чердака. Рукава его чёрной рубашки были снова закатаны до локтей, волосы слегка взлохмачены. Из открытой двери чердака потянуло дымом.

— Ты сегодня рано, — заметил он.

— Я вышла раньше, чтобы прогуляться, но...

— ...но вместо прогулки решила явиться ко мне на час раньше, — язвительно продолжил он.

— Я могу подождать, пока вы закончите свои дела, — сказала Вивьен, чертя пальцем замысловатые узоры на пыльной столешнице.

— Я уже закончил. Ты чем-то расстроена. Что случилось? — спросил он.

— Ерунда. Ничего особенного, не обращайтесь внимания.

— Любая ерунда может иметь значение, — колдун сел за стол напротив неё. — Ты помнишь, о чём я просил? Говорить мне правду.

— Но это правда ерунда. Просто я встретила на набережной Сьюзен, мою подругу... бывшую.

— И?.. Я из тебя клещами вытягивать должен? — Эшворт начинал злиться.

— Да ничего, — раздражённо бросила Вивьен. Этот допрос ей начал надоедать. — Она выходит замуж за Генри Перси.

— И ты расстроилась, что замуж выходишь не ты, а она, — заключил колдун.

— Нет. Я расстроилась, что у неё нет проблем серьёзнее выбора ткани для свадебного платья, а у меня... чёрт знает что в жизни происходит.

— А ты бы хотела, чтобы у неё тоже были такие проблемы?

— Я бы хотела, чтобы их не было у меня, — резко парировала она.

— Зависть — разрушительное и совершенно бесполезное чувство, Вивьен, — сказал Эшворт.

— Это не зависть.

— А что тогда?

— Не знаю, — Вивьен пожала плечами. — Наверно, обида.

— Обида? На кого?

— На судьбу, — ответила она.

— Я не верю в судьбу, — сказал Эшворт.

— А во что вы верите?

— В выбор.

— Я не выбирала того, что со мной случилось, — возразила она.

— Зато ты можешь выбрать то, что случится дальше. И ты уже сделала выбор, когда пришла в часовню. Поэтому сегодняшний сеанс нитья можно считать оконченным.

— Да, хорошо, — ответила Вивьен и вдруг её губы искривились во внезапной усмешке.

— Что? — спросил Эшворт.

— Ничего. Увидела Сьюзен и вспомнилось кое-что.

— Говори, раз начала.

— Да просто в детстве родители пугали Сьюзен, что если она будет ходить на Пустошь к часовне, то вы её утащит.

Эшворт поперхнулся от неожиданности.

— Я?! — спросил он, откашлявшись. — Зачем?

— Этого они не уточняли.

— Чтобы выдумка выглядела правдоподобно, в ней не должно быть белых пятен.

— Дети так глубоко не задумываются, — ответила ему Вивьен. — Они легко принимают на веру то, что им говорят взрослые. Сказали — утащит, значит утащит.

— Да уж, — вздохнул колдун. — Почти два десятка лет не общался с людьми и не надо было начинать. Чего только о себе не узнаешь.

— Я в это не верила, — сказала Вивьен.

— А руки дрожали, когда впервые ко мне пришла, почему? Или тебе рассказывали, что я утаскиваю юных девушек с растрёпанной причёской?

Вивьен машинально пригладила волосы. Эшворт заметил это и усмехнулся.

— Ладно. Надо работать, — сказал он. — Вчера ты пробовала улыбаться.

— Почему «пробовала»? — с недоумением спросила Вивьен.

— Потому что получалось вымучено. Пробуй ещё. Подумай о чём-то хорошем.

Вивьен вспомнила, как они с Сьюзен строили шалаш на Пустоши до позднего вечера. Обе потом получили нагоняй от родителей, когда вернулись после заката. Она улыбнулась — искренне, тепло, как сегодня на набережной, когда увидела подругу после долгой разлуки.

— Отлично! — похвалил её Эшворт. — Один момент. Смотреть нужно в глаза собеседнику, а не поверх его головы. Сегодня учишься не отводить взгляд. Смотри на меня. Не в переносицу, не на шрамы.

В глаза. Вивьен посмотрела в его глаза. Прошла секунда, две, три.

— Долго смотреть? — нарушила она тишину.

— Пока не надоест.

Вивьен продолжила смотреть. Вдруг его взгляд дрогнул, зрачки расширились, цвет радужки начал постепенно темнеть, и его глаза стали почти такими же чёрными, как тогда, в часовне. Его рука, лежащая на столе, дёрнулась — и Вивьен боковым зрением увидела слева огонь. Она вскрикнула и вскочила, опрокинув стул. По внезапно вспыхнувшей портъере стремительно распространилось пламя.

— Ч-чёрт! — Эшворт подбежал к окну, рванул портъеру вниз, и тяжелый бархат упал на пол, взметнув в воздух облако пыли. Колдун затоптал пламя сапогами.

— Что это было? — ошеломлённо спросила Вивьен.

— Магия вырвалась из-под контроля, — ответил он, наливая в стакан воду из графина.
— Не пугайся, такое случается.

Он залпом выпил воду. Вивьен подняла упавший стул и села, всё ещё настороженно глядя на валяющуюся бесформенной кучей на полу ткань.

— Странно, — усмехнулся Эшворт, глядя на Вивьен.

— Что именно? — спросила она. Голос прозвучал монотонно, она ещё не отошла от испуга.

— Я думал — убежишь.

Вивьен посмотрела на колдуна. Он стоял, потирая руку, на которой, кажется, добавился сейчас новый ожог.

— Я тоже думала, — сказала она. Эшворт тяжело опустился на стул. Пальцы его слегка подрагивали, а сам он вдруг стал выглядеть уставшим.

— На сегодня всё, — проговорил он, потирая ноющий висок. — Магия сжирает много сил, мне нужно отдохнуть. Приходи завтра.

Вивьен решила всё-таки пойти на набережную после урока. Людей там стало меньше, и это её полностью устраивало. Вивьен перегнулась через парапет, глядя на неспешное течение реки. Вода в лучах предзакатного солнца отливала сталью, низкое небо отражалось в ней, как в зеркале. Она не знала, что было страшнее: то, что колдун внезапно поджёт портьеру или то, что она так спокойно это восприняла. Да, в первое мгновение она испугалась от неожиданности. Но не ожидала, что после первого увиденного в жизни проявления магии, сядет и продолжит сидеть как ни в чём ни бывало. «Магия вырвалась из-под контроля. Не пугайся, такое случается», — будничным тоном сказал он, как будто это происходит каждый день. Хотя может у него — и каждый. Она вспомнила, как потемнели перед этим его глаза, и это почему-то было более непонятно и жутко, чем спонтанно вспыхнувший огонь.

7 лет назад, Блэкхит, Альбион.

Пустошь простиралась до самого горизонта. Бескрайнее море багряного, золотого и чёрного цвета. Цветение чёрного вереска было в разгаре, он покрывал холмы плотным ковром, шевелящимся на ветру. Осеннее солнце светило тускло, с трудом пробиваясь через облака, а воздух был прохладным, пахнущим сухой травой и приносимым откуда-то ветром дымом.

Вивьен и Сьюзен сидели на вершине холма и ели зелёные яблоки. Вивьен было тринадцать лет, Сьюзен — одиннадцать. Младшая подруга не хотела отставать от старшей, поэтому когда Вивьен сказала, что собирается идти гулять на Пустошь, увязалась следом, хотя знала, что родители отругают, если узнают.

— Смотри, вон там часовня, — сказала Сьюзен, показывая пальцем вдаль.

Вивьен проследила за её взглядом. Вдали из-за макушек деревьев выглядывал шпиль заброшенной часовни.

— Хочешь, пойдём поближе посмотрим? — предложила Вивьен и увидела, как расширились от страха голубые глаза Сьюзен. Вивьен довольно улыбнулась. Именно на такую реакцию она и рассчитывала. Она специально это предложила, чтобы выглядеть в глазах подруги смелой и бесстрашной. На самом же деле она и сама до дрожи боялась приближаться к этому проклятому заброшенному зданию, но скорее умерла бы, чем призналась в этом.

— Мама мне сказала, что там живёт страшный колдун, — сказала Сьюзен. — И туда ходить ни в коем случае нельзя, иначе он может тебя утащить.

— Чувь какая! — усмехнулась со знанием дела Вивьен. — Эшворту не нужны дети.

— Эшворт? — переспросила Сьюзен. — Это имя того колдуна? Откуда ты знаешь, Вивьен?

Вивьен прикусила язык. Она поздно вспомнила, что Марта просила никому не говорить о том, что она ей рассказывает.

— Какая тебе разница, Сьюзи? Слышала.

— Ну расскажи! — заныла Сьюзен. — Пожалуйста!

— Ладно, — вздохнула Вивьен. — Только — никому! Поняла?

— Конечно! — ответила Сьюзен, в предвкушении придвигаясь к Вивьен ближе.

Вивьен рассказала то, что знала от Марты: о том, что у Эшворта страшное лицо, что он заключает сделки с людьми, за которые они порой расплачиваются страшной ценой.

— А что, если он тут сейчас появится? — спросила Сьюзен.

Вивьен вздрогнула. А ведь Сьюзи права. Часовня неподалёку. Что, если Эшворт тут бывает? Она не знала, как он выглядит, но почему-то ей казалось, что она его сразу узнает, если увидит. И от мысли о возможной встрече с ним становилось не по себе.

— Ну появится и появится, — с деланным безразличием ответила Вивьен. — Мы-то ему зачем? Он просто пройдёт мимо, а мы будем сидеть дальше.

— Думаешь? — с сомнением спросила Сьюзен.

— Ну если только ты не рванёшь от страха домой, — со смехом сказала Вивьен.

— А почему только я? Ты разве не рванёшь? — обиженно спросила младшая подруга.

— Я — нет, — сказала Вивьен. Но она совсем не была в этом уверена.

Вивьен шла, глядя под ноги и погрузившись в задумчивость, но вдруг почувствовала, что что-то вокруг изменилось. Голоса прохожих умолкли внезапно, как по команде. Вивьен подняла глаза и увидела их. Трое в серых плащах шли по улице навстречу ей. На груди у каждого из них висели серебряные амулеты, поблёскивающие холодным мертвенным светом: круг с крестом внутри. Крест — символ веры и церкви, круг — защита от скверны. Инквизиторы. Люди непроизвольно расступались перед ними, как вода перед носом корабля. Кто-то отворачивался, кто-то просто пытался отвести взгляд. Гнетущая, тяжелая, как свинец, тишина нависла над улицей.

Вивьен посторонилась, пропуская инквизиторов, и ощутила, как быстро забилося сердце. Она тоже отвела взгляд, стараясь не встретиться с ними глазами.

Вивьен уже встречала инквизиторов раньше. Но сейчас, когда она была связана сделкой с колдуном и шла из его дома, эта встреча воспринималась совсем иначе. Вдруг они что-то заподозрят? Ведь арестовывали не только колдунов. Инквизиция забирала и тех, кто был с ними связан. Не казнили, могли назначить штраф и принудительные работы на разные сроки. Но только в том случае, если человек соглашался сотрудничать с инквизицией и выкладывал все сведения о знакомом ему колдуне, помогая его найти. Для этого было нужно подписать добровольный договор о сотрудничестве с инквизицией. На самом же деле добровольного в этом договоре было мало. Не согласиться подписать его — значит нажить себе серьёзных проблем. Но уж если человек подписал и нарушил его... Наказание было суровым. «Вплоть до смертной казни», — говорилось в законе.

Тишина на улице висела ещё некоторое время, даже когда инквизиторы уже скрылись из виду. Вивьен невольно окинула взглядом лица людей. На них ещё лежал отпечаток напряжения, но, по мере того, как инквизиторы становились всё дальше, лица расслаблялись. Женщина с корзиной из всех сил сжимала пальцами ручку. Двое подвыпивших мужчин, до того громко смеявшиеся, как-то внезапно протрезвели и продолжили свой путь в молчании. Вивьен замечала этот всеобщий страх в напряжённых спинах, в опущенных плечах, в судорожно сжатых руках.

Постепенно звуки и голоса возвращались. Люди выдохнули. Инквизиторов не уважали. Их существование признавали, как вынужденную необходимость. Как защиту от колдунов. Как оплот от почти и проклятий. Но от инквизиции у людей защиты не было. Некоторые бравовали тем, что не делают ничего противозаконного, и потому им бояться инквизиции нечего. Но даже самые прилежные почитатели буквы закона невольно съёживались при виде людей в серых плащах с серебряными амулетами на груди и отводили взгляд. Мало ли...

Ночью она проснулась от хлопка двери. После слышались шаги, которые то затихали, то становились громче. «Пьяный», — безошибочно определила она. Вивьен вздохнула и села на кровати. Подумала немного, потом всё-таки встала и пошла вниз.

В гостиной стоял запах дешёвого виски. Граф Торнвуд немного не дошёл до дивана и сидел на полу, прислонившись спиной к его краю. Вивьен подошла, помогла ему забраться на диван, сняла сапоги.

— Пожалуйста, не говори, что ты опять играл, — сказала она.

— Сегодня удача была не на моей стороне, — пробормотал отец. — Но в следующий раз...

Вивьен с размаху села на край дивана и выругалась.

— Вивьен, где ты таких слов набралась? — возмутился граф Торнвуд. — И вообще, куда ты постоянно ходишь? Пропадаешь целыми днями. Приличные девушки так себя не ведут.

— Приличные отцы бешеные суммы в карты не проигрывают, дом не закладывают. А если так дальше пойдёт — пропаду насовсем. Тебя это не волнует, нет?

И, не дожидаясь ответа, встала и пошла наверх.

— Вивьен, ты как с отцом?... — кричал граф Торнвуд. — Вернись, Вивьен!

Она захлопнула дверь своей спальни, повалилась на кровать и накрылась одеялом с головой.

Глава 5

На следующий день она пришла вовремя. Эшворт уже ждал её за столом. Его белая рубашка была расстёгнута у ворота. Вивьен вдруг заметила край старого шрама, уходящего за воротник, и поспешно отвела взгляд. Его руки были испачканы чернилами, должно быть, он опять что-то писал перед её приходом.

— Что на этот раз? — спросил он вместо приветствия.

Вивьен уже даже не удивилась. Привыкла, что он с ходу определяет по её лицу, в каком она настроении.

— Отец пришёл пьяный, — ответила она. — Опять играл. Не знаю, что с ним делать.

— Ничего ты с ним не сделаешь, — сказал Эшворт. — Тащить из воды того, кто твёрдо решил тонуть, — самая бесполезная деятельность на свете. Утянет следом.

— Он ведь не всегда таким был.

— Неважно. Люди не меняются. Просто со временем из них лезет то, что они раньше не показывали.

— Так это значит, что и я не смогу измениться?

— А такой задачи и не стоит. Тебе нужно не измениться. Тебе нужно научиться показывать не то, что есть на самом деле. Это разные вещи. Ты танцевать умеешь?

— Что?

— Танцевать. На балах танцуют, если ты помнишь.

— А... Ну да. Умею. Но не танцую обычно.

— Почему?

— Потому что занята подпиранием стен. Они без меня рухнут, знаете ли, — сказала она колко.

Колдун удивлённо усмехнулся.

— Что ж, урок остроумия можно будет пропустить. Шутить ты уже хорошо умеешь.

— Да какие уж тут шутки, — вздохнула Вивьен. — Не приглашают, вот и не танцую.

— Если ты всё время ходишь с таким лицом, то неудивительно, — заметил Эшворт.

— А что не так с моим лицом? — обиженно спросила Вивьен. — Другого мне природа не выдала.

— Да всё так. Кроме выражения, говорящего «я убью первого, кто ко мне подойдёт». Улыбаться ты уже научилась. Мужчины любят весёлых девушек. Всем плевать, что происходит в твоей жизни. Ты должна показывать красивую картинку: ты уверена в себе и беззаботна. И главное — герцогу не говори о том, что не приглашают. Он должен думать, что ты пользуешься успехом у мужчин.

— Как же он может это думать, если всё очевидно? — с сомнением спросила Вивьен. — Я могу ему рассказывать, что под моим окном очереди из джентльменов стоят, чтобы мной полюбоваться, но какой в этом смысл, если на балах никто не обращает на меня внимания?

— Есть одна мысль. Но об этом позже. Сейчас мне нужно посмотреть, насколько хорошо ты танцуешь.

Он поднялся, отодвинул стол ближе к стене, освобождая пространство.

— Что ты сидишь? — спросил он. — Вставай!

— Мы что, танцевать с вами будем? — удивилась Вивьен.

— Нет, языками чесать до вечера! — съязвил он. — Естественно!

Вивьен поднялась, подошла к нему. Эшворт обошёл вокруг неё.

— Спину выпрями. Плечи расслабь, — отрывисто командовал он.

— Так выпрямить или расслабить? — не поняла Вивьен.

— И то, и другое.

— Так? — спросила она и почувствовала на своей спине его руку. Рука была тёплой, но по телу почему-то пошли мурашки.

— Так. А спину держи... — колдун вдруг замолчал, а рука, скользнувшая вдоль позвоночника Вивьен, дрогнула и замерла. Под платьем не было корсета, и сквозь тонкую ткань он ощутил её тело. Эшворт быстро пришёл в себя и убрал руку.

Он встал к ней лицом, взял за руку шершавой от шрамов ладонью. Вторая рука медленно, будто бы даже с опаской, легла на её талию. Вивьен отчаянно боролась с желанием отвести взгляд.

— Не надо так явно показывать своё отвращение, — сухо сказал он. — Улыбнись.

Вивьен удивилась. Она не испытывала никакого отвращения. Скованность, неловкость — да, но не отвращение. И рука, лежащая на её талии, не была ей неприятна, вопреки ожиданиям.

— Я вовсе не... — начала было она, но решила ничего не доказывать. Вместо этого положила руку на его плечо, чувствуя его тепло через тонкую ткань.

— Начали, — сказал он.

Эшворт танцевал хорошо, уверенно. Вивьен не отставала, старалась не сбиться и машинально опустила взгляд вниз.

— Не под ноги смотри, — сделал он замечание. — В глаза.

— Я боюсь вам на ногу наступить.

— Если будешь бояться — обязательно наступишь. Не думай о ногах.

Вивьен перевела взгляд на его лицо. Они сделали ещё несколько кругов, и пару раз на ногу она ему всё-таки наступила.

— Достаточно, — сказал Эшворт, остановившись. Он отпустил её и сделал шаг назад. Тепло его рук исчезло, и ей сразу стало холодно. — Неплохо. Я думал, будет хуже. Главное — не волноваться, тогда всё само будет получаться.

— Вы танцуете так, как будто каждый день бываете на балах, — сказала Вивьен.

— Слава богу — не бываю. Давно уже.

— А бывали? — удивилась Вивьен.

— Доводилось, — нехотя ответил Эшворт. — В прошлой жизни. Я был сыном виконта Эшворта.

— Почему «был»?

— Потому что я утратил это звание. Как и надежды на титул, — сказал он и отвернулся к окну. — Не будем об этом сейчас.

— Хорошо, — кивнула Вивьен. — Я пойду?

— Да, иди, — равнодушно сказал Эшворт, не глядя на неё. — Придёшь через два дня.

Когда она ушла, колдун долго стоял без движения, погружённый в мысли. Невидящим взглядом он смотрел в окно. На улице было пасмурно и пусто. Только чёрно-белый кот с важным видом охотился на растрёпанного воробья, копошившегося в ветвях шиповника.

— Чёрт... — проговорил он сквозь зубы. — Ч-чёрт!

Он схватил вазу из белого фарфора, стоявшую на подоконнике, и швырнул её на пол. Ваза со звоном разлетелась на мелкие осколки. Легче не стало, но теперь можно было заняться уборкой и хоть как-то отвлечься.

Вивьен неторопливо шла домой. Низкие сизые тучи нависали над головой. Несколько капель упало на пыльную дорогу, на рукава её плаща, на лицо. Но Вивьен не стала ускорять шаг.

Что-то в ней неуловимо изменилось, и она не сразу поняла, что именно. Она прокручивала в голове сегодняшний день, пытаясь отыскать причину возникшего ощущения, что что-то не так. Проигрыш отца в карты? Нет, не то. Эта тревожная мысль билась в голове с утра, но это не оно. Эшворт? Да, это связано с ним. Вивьен резко остановилась, поражённая внезапной мыслью.

— Я его больше не боюсь, — сказала она вслух.

Когда это произошло? Она сама не знала. Просто в какой-то момент осознала, что он — тоже человек, а не inferнальное чудовище из рассказов Марты. Пусть и не обычный человек. Она вздрогнула от неожиданности, когда он дотронулся до её спины. Но когда его рука легла на её талию, не испытала уже никакого страха, и впервые не возникло инстинктивного желания отодвинуться. Она вспомнила, как помрачнело его лицо, когда он вспомнил о своём прошлом и о семье, как он внезапно замкнулся. Вивьен испытала нечто вроде обиды, как будто перед ней приоткрыли запертую дверь и тут же захлопнули её перед самым носом. Она никогда не задумывалась о его происхождении. Эшворт до сегодняшнего дня был для неё колдуном, который, казалось, всегда был таким — циничным, вспыльчивым, уставшим. Сегодня Вивьен впервые осознала, что у него тоже были родители, детство, какая-то другая, обычная жизнь. До того, как он стал тем, кем он теперь является. И это вполне очевидное открытие её почему-то поразило.

У неё было два дня. В первый день она перешила на себя материнское платье из зелёного атласа. Получилось неплохо. Вивьен стояла перед зеркалом, придирчиво разглядывая, как платье на ней сидит. Поправиться у неё так и не получалось, да и вряд ли получится. «Придётся Филиппу довольствоваться тем, что имеется», — подумала она и вслух засмеялась от этой мысли. Отражение в зеркале подняло ей настроение. В последнее время ей было плевать, как она выглядит. Но встреча со Сьюзен заставила её испытать стыд за свой внешний вид. И сегодня, впервые за много времени, Вивьен вертелась перед зеркалом и думала о том, что наверно не так уж невозможно будет понравиться герцогу Роули. Она тщательно уложила волосы в высокую причёску, оставив у лица несколько слегка завивающихся тёмно-каштановых прядей. Она вдруг вспомнила вечер в часовне, лицо Эшворта в тусклом свете свечи. «Да нет, ты красивая...» — сказал он тогда задумчиво. Не как комплимент, просто как констатацию факта, сухо, без эмоций.

Тёмная бездна, смотрящая на неё из его глаз. А потом — у него дома, ореховые глаза с зеленоватым оттенком, стремительно темнеющие и становящиеся чёрными, как тогда. И совсем уж невпопад — прикосновение его руки, скользящей по её спине... Вивьен тряхнула головой, прогоняя внезапное воспоминание. Она расстегнула платье, переделалась в домашнее и села измельчать травы, заготовленные летом, до которых всё не доходили руки.

Вечером она отправилась к аптекарю, которому продавала большую часть своих запасов. Закатное осеннее солнце светило неярко, пробиваясь через толщу облаков. Тени от домов стали длиннее, они падали на грязную мостовую, на лица прохожих и на лошадиные спины. Вивьен не торопилась, и ей казалось, что время тянется медленно, как патока.

Колокольчик над дверью звякнул, когда она вошла в аптеку. Мистер Уайт, пожилой мужчина с седой бородкой, поднял голову от старой потрёпанной книги с пожелтевшими страницами.

— А, Вивьен! — тепло улыбнулся он. — Травы принесла?

— Да. Зверобой, орегано, ромашка. Как договаривались.

Вивьен разложила бумажные свёртки на столе. Мистер Уайт открыл ящик стола, отсчитал деньги, протянул Вивьен.

— Спасибо, милая, ты очень выручаешь меня. У тебя самое лучшее сырьё, без пыли и примеси посторонних трав.

— Это вам спасибо, — сказала Вивьен, убирая деньги в карман. — Сейчас очень кстати.

— Как отец? — спросил аптекарь.

Вивьен раздражённо махнула рукой, как бы говоря: «И не спрашивайте!». Мистер Уайт кивнул с пониманием и сочувствием.

— До свидания! — попрощалась она.

— Вивьен, подожди! — спохватился аптекарь.

Она обернулась. Мистер Уайт снова открыл ящик стола, долго там копался, а потом извлёк из его недр пузырёк из тёмного стекла и протянул Вивьен.

— Вот, возьми, — сказал он. — Подарок. Твоё любимое.

Вивьен взяла пузырёк и поднесла его к лицу. Эфирное масло горького апельсина. Она с наслаждением вдохнула запах и благодарно улыбнулась.

— Спасибо огромное!

— Не стоит благодарности, — сказал мистер Уайт. — Ты расцвела с тех пор, как я тебя видел в последний раз. Пусть этот запах дополняет твою красоту!

Вивьен возвращалась домой в приподнятом настроении. В душе крепла надежда на то, что совсем скоро всё наладится.

На следующий день она отправилась на набережную. День выдался тихий и ясный, на набережной было многолюдно. Прогуливались в основном парами, поэтому Вивьен шла быстро, делая вид, что просто спешит куда-то по делам, а не гуляет в одиночестве. Она встретила Сьюзи, которая шла под руку с Генри Перси, своим женихом. Вивьен кивнула издали, и Сьюзи приветливо улыбнулась. Генри учтиво поклонился.

Вивьен уже хотела уходить, как вдруг увидела Филиппа. Он стоял у самого парапета в компании нескольких друзей и что-то оживлённо рассказывал. Как всегда безукоризненно одетый, как всегда сияющий беззаботной улыбкой. Вивьен прошла совсем рядом, но он, увлечённый разговором, не обратил на неё никакого внимания. Она была всего лишь одной из многих женщин, проходивших мимо него. Когда герцог Роули с компанией остались далеко позади, Вивьен помрачнела. Должно быть, в глубине души она надеялась, что он её заметит, что взгляд его заинтересованно вспыхнет, а потом, когда они встретятся на балу, он вспомнит девушку, увиденную не так давно на набережной, подойдёт, и это станет началом... Но чуда не случилось. Чудес, наверно, вообще не бывает. Вся надежда была на Эшворта. И то, как оказалось, волшебства, как в сказках, он творить не может, и для исполнения её желания предстояла долгая и неприятная работа по превращению себя в леди, которую сможет полюбить герцог.

Когда Вивьен пришла, Эшворт сидел в кресле и зашивал разошедшийся шов на рубашке. Стежки были крупные, шов ложился криво. Вивьен некоторое время молча смотрела на эти неуклюжие попытки, а потом протянула руку.

— Дайте сюда!

Колдун посмотрел на неё удивлённо, но отдал ей рубашку и иголку. Вивьен села, разложила рубашку на коленях, распорол его кривой шов и старательно зашила заново, ровными и крепкими стежками. Эшворт с интересом наблюдал за процессом, а когда она отдала ему вещь назад, осмотрел шов и поднял брови.

— Ты прямо как настоящая портниха, — сказал он. — И не скажешь, что графиня.

— Я подрабатываю шитьём. Гроши, конечно. Но лучше, чем ничего.

— И сколько я тебе должен? — спросил колдун.

— В счёт моего долга, — иронично ответила она.

Они посмотрели друг на друга и неожиданно расхохотались. Отсмеявшись, Эшворт утёр кулаком выступившие на глазах слёзы. Он уже и забыл, что так умеет.

— Что, приступим? — спросил он.

Вивьен кивнула.

— Сегодня учишься говорить комплименты, — заявил он, откинувшись на спинку кресла.

— Комплименты? — переспросила Вивьен и скептически поджала губы. — Я думала, их дамам говорят, а не наоборот.

— Если хочешь, чтобы герцог проникся к тебе горячей симпатией, придётся ему льстить. И чем искреннее у тебя это получится, тем большее впечатление ты на него произведёшь.

— Хмм... — задумчиво протянула Вивьен. — Хорошо. Тренироваться я на вас буду?

— А ты здесь видишь кого-то ещё? — развёл руками Эшворт. — Филипп Роули очень любит внимание, похвалу. Ему нравится чувствовать себя особенным, исключительной личностью. Выделяться на фоне безликой толпы, сиять звездой.

— Это многим нравится, должно быть, — сказала Вивьен.

— Да, многим, — согласился колдун. — А посредственностям — больше всего.

— Это вы сейчас о Филиппе? — спросила Вивьен. Её немного уколол пренебрежительный тон, в котором Эшворт снова говорил о предмете её девичьих грёз.

— Это я сейчас о посредственностях, — уклончиво ответил он. — Попытайся сказать мне что-нибудь приятное, но так, чтобы я поверил.

Вивьен посмотрела на его лицо. На высокий лоб с упавшими на него прядями чёрных волос, на орлиный нос, на тонкие губы, на шрамы...

— У вас красивые глаза, — сказала она наконец.

Эшворт явно не ожидал этого. Несколько мгновений он молча смотрел на неё.

— Что ж, получилось правдоподобно, — вымолвил он, овладев собой. — Либо ты действительно веришь в то, что говоришь.

Вивьен вдруг покраснела и закрыла лицо рукой. Ей было одновременно смешно и стыдно.

— Герцог, как ты знаешь, пишет стихи, — сказал Эшворт. — А для творческого человека большое значение имеет признание его талантов. Ты должна дать ему понять, что считаешь его гениальным. Что понимаешь, как никто другой, его тонкую ранимую душу. Он будет говорить, что вокруг много завистников, которые его критикуют. Ни в коем случае не спорь. Поддакивай, соглашайся со всем.

— А откуда вы знаете, что он будет говорить? — с сомнением спросила Вивьен.

— Я не знаю. Я просто предполагаю. Не перебивай меня, будь добра. Так вот, как только он увидит твоё искреннее восхищение — он твой. Что?.. — спросил Эшворт, с недоумением глядя, как изменилось лицо Вивьен. Она смотрела на него с немим восторгом. Глаза влажно блестели, казалось, что девушка вот-вот заплачет.

— Боже мой! — воскликнула она, прижав руки к груди. — Это же восхитительно! Нет, это просто гениально, мне так сложно подобрать слова, чтобы выразить свой восторг! Вы... вы просто сразили меня своим талантом!

Эшворт фыркнул от смеха. Он не сразу понял, что Вивьен без предупреждения включилась в игру.

— Немного переигрываешь, но в принципе направление верное, — сказал он.

— Не знаю, неужели эта грубая лесть может сработать? — задумчиво произнесла она. — Я думала, что мужчин привлекают как-то иначе.

— В основном — именно так, — сказал колдун.

— А вас тоже можно этим привлечь? — вдруг спросила Вивьен.

— Меня — нет.

— А чем можно? — не унималась она.

— А ты с какой целью интересуешься? — язвительно спросил он.

Вивьен неопределённо пожала плечами.

— С научной, — сказала она.

— Всё, хватит дурацких вопросов, — процедил колдун сквозь зубы. — Давай ещё раз свою хвалебную оду про талант. Только спокойнее, искреннее, без перебора.

Вивьен повторила свою только что сочинённую фразу, уже более серьёзным тоном.

— Так лучше, — сухо похвалил Эшворт. — Думаю, на сегодня можно закончить. Когда там приём, на котором будет герцог?

— На следующей неделе, — ответила Вивьен.

Эшворт молча кивнул. Она поняла: колдун таким образом без слов дал понять, что ей пора. Странное чувство неловкости не давало покоя. Вивьен встала, неуклюже попрощалась и ушла.

«Господи, ну кто меня за язык тянул? — думала она по дороге домой. — Это ж надо было додуматься такое спросить! «А чем вас можно привлечь?» Когда я уже научусь сначала думать, а потом говорить?». Он разозлился. Не подал вида, но она же заметила, как изменилось его лицо, стало хмурым и жёстким, как сухо стал звучать голос.

Дома она закончила вязание раньше запланированного срока и решила отнести заказ-чице, не дожидаясь завтрашнего дня. Вивьен старалась не думать о своей оплошности: всё равно сказанного не воротишь, но впредь дала себе слово такого не допускать. Она уже возвращалась домой, когда из-за угла внезапно выскочила перепуганная молодая женщина в расстёгнутом, развевающимся на ветру тёмно-синем плаще и с растрёпанными от быстрого бега светлыми волосами. Вивьен едва успела отпрянуть к стене дома, чтобы не столкнуться с ней, и женщина пронеслась мимо неё с искажённым от безумного страха и отчаяния лицом. Следом из-за угла появились двое мужчин в серых плащах с серебряными амулетами на груди. Инквизиторы. Они скользнули растерянными взглядами по Вивьен, и она сильнее вжалась в стену.

— Да вон она побежала, — крикнул один из них, указывая на убегающую женщину, и они бросились вслед за ней, тут же потеряв к Вивьен интерес.

Они пробежали мимо, но Вивьен всё так же стояла, прижимаясь спиной к холодной каменной стене, не в силах сдвинуться с места. Она смотрела, как они догнали женщину, сбили с ног. Она упала, но поднялась, и, вырываясь и крича, пыталась снова убежать. Они несколько раз ударили её, скрутили руки за спиной и повели назад. Лицо женщины было испачкано грязью и кровью. Она больше не кричала, не вырывалась, шла сама, постепенно осознавая и принимая произошедшее. Когда инквизиторы вместе со своей жертвой скрылись за углом, Вивьен оторвалась от стены. Редкие прохожие, оказавшиеся в вечерний час на улице, оглядывались и перешёптывались. В последнее время такие аресты участились. Поговаривали, что так бывает перед какими-то кадровыми перестановками в инквизиции.

Вивьен пошла, глядя себе под ноги. Дорога слегка расплывалась перед глазами. Грудь сжимал какой-то иррациональный ужас. Она не помнила, как долго шла. В себя пришла, только когда поняла, что стоит не перед своим домом, а перед домом Эшворта. Она постучала, прежде чем успела остановить свою руку. «Зачем я здесь? — подумала она отстранённо. — Надо уходить». Но, как только Вивьен спустилась с первой ступеньки, дверь открылась.

Эшворт стоял на пороге в рубашке, которую она сегодня зашивала. В глазах — недоумение.

— Вивьен? — растерянно сказал он и настороженно посмотрел по сторонам. — Сколько раз тебе говорить — не торчи подолгу на пороге, заходи сразу!

Он отступил в глубину прихожей, и Вивьен шагнула в дом.

— Я просто в неурочное время, поэтому подумала, что неправильно будет просто зайти, ведь вы меня не ждёте.

— Что-то случилось? — спросил он.

«А ведь на самом деле — что случилось? — подумала вдруг она. — Что я ему скажу?»

— Нет. Глупость какая-то... — смешалась Вивьен. — Я пойду, — сказала она и взялась за ручку двери.

— Заходи, раз уж пришла, — сказал Эшворт, развернулся и пошёл в кабинет. Вивьен последовала за ним.

— Рассказывай, — сказал он на ходу.

— Я просто шла по улице, и... — она проглотила комок в горле. — Инквизиторы. Они гнались за женщиной. Они поймали её, избили и увели. Я так испугалась. Особенно когда они выскочили из-за угла и чуть не бросились ко мне. Потом они уже увидели, что ошиблись и

побежали за ней. Это... — Вивьен замолчала, почувствовав, что ей нечем дышать. Она шумно вдохнула, но воздух казался бесполезным, она задыхалась.

— Вивьен! — Эшворт бросился к ней, обхватил за плечи и усадил на стул. — Дыши! Как я учил, вспоминай! Вдох! Задержи дыхание! Теперь выдох! Ещё раз!

Он крепко сжимал её руки. На глазах Вивьен выступили слёзы. Но постепенно становилось легче. Воздух становился обычным, живым. Дыхание её выравнивалось. Эшворт налил воды в стакан и дал ей. Она стала пить. Рука дрожала и тонкая струйка пролилась на платье.

— Лучше? — спросил он.

Вивьен кивнула и вернула ему пустой стакан.

— Я правда не знаю, зачем пришла, — сказала она. — Я просто пошла и очнулась уже здесь. Скажите, а что... что с ней теперь будет?

— Допросы. Возможно, пытки. И казнь, — ответил Эшворт. — Спокойно! — добавил он, видя, что её снова начинает накрывать. — Это жизнь, Вивьен. Если попадаешь в подвалы инквизиции, то шансов выбраться практически нет.

— А... вас тоже могут?.. — спросила Вивьен, запинаясь.

— Не исключено, — пожал плечами колдун. — Но пока у меня есть некоторые... скажем так, гарантии. Прости, не могу сказать всего. Но ты не переживай. Твоё дело мы довести до конца успеем.

Вивьен открыла было рот, чтобы сказать, что переживала она сейчас не об этом, но вовремя передумала.

— Извините, — вместо этого сказала она.

— За что? — не понял Эшворт.

— За всё, — сказала Вивьен, а потом вдруг встала и ушла.

Колдун остался стоять, глядя на закрытую дверь.

Вивьен же вышла на улицу и поняла, что уже стемнело. Улица была пустынна. Она подняла воротник плаща, защищая шею от ночной прохлады, и ускорила шаг, чтобы быстрее оказаться на улице, где есть фонари и хотя бы редкие прохожие. Небо было ясным и звёздным. Она шла, глядя наверх, вид этих золотистых искорок во тьме успокаивал сумбур в голове. Всё пройдёт, всё когда-нибудь проходит, а звёзды всё так же будут посылать на землю своё сияние. Для вечности все радости и горести Вивьен Торнвуд, вся её борьба, все её страхи — просто песчинки, которые затеряются в веках, и никто этого не заметит...

Вивьен не видела, как от стены дома Эшворта отделилась тёмная фигура в плаще и последовала за ней. Фигура скользила бесшумно, сливаясь со стенами домов, старательно избегая пятен света от фонарей. Тень сопровождала Вивьен на протяжении всего её пути, оставаясь незамеченной. В начале улицы Цветущей тень остановилась и, дождавшись, пока дверь дома закроется за Вивьен, растворилась в ночной тьме.

Дома Вивьен долго сидела в темноте на кровати, поджав ноги. Она до сих пор до конца не понимала, почему пришла к нему. Её привёл страх. Она знала, что тех, кто связан с колдунами, тоже могут арестовать. И мысль об этом пронеслась у неё в голове, когда инквизиторы устремились было к ней. Но когда они забыли о ней и бросились за той женщиной, менее страшно ей не стало. Зачем она пошла к нему? Чтобы он убедил её, что с ней этого не случится? Нет, это недостаточно логичная причина для того, чтобы лишний раз светиться возле дома колдуна. И когда он насмешливо попытался её успокоить тем, что до того, как его арестуют, они успеют закончить дело, она поняла, что пугало её не только и не столько то, что он не успеет выполнить свою часть сделки. Её пугала сама мысль о том, что он может быть схвачен и казнён. Он уже не был для неё просто колдуном из легенд, рассказанных Мартой. Он был человеком. Человеком, с которым они танцевали, с которым они вместе смеялись, которому она зашивала порванную рубашку. Она знала, какого цвета его глаза, знала, как появляется складка на его лбу, когда он пребывает в задумчивости. Именно этот страх привёл её к его порогу. Но сказать ему об

этом она не смогла, почувствовав внезапную неловкость. Она осознавала, что её запоздалые извинения прозвучали невпопад. Он даже не понял, за что она извинялась. Она и сама уже не знала. За нелепые вопросы на уроке? За то, что ворвалась без предупреждения? За то, что не сдержалась и сопли распустила? Но сказала — и стало легче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.